

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Тезисы докладов конференции

Санкт-Петербург
1995

Санкт-Петербургский Государственный Университет
Институт Истории Материальной Культуры РАН
Музей Антропологии и Этнографии РАН
Государственный Эрмитаж

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Тезисы докладов конференции

Финансируется
Международным научным Фондом
"Культурная инициатива"

Санкт-Петербург
1995

Ответственный редактор - д и н. Д.Г.Савинов

**На обложке: *рисунок на каменной плите из
могильника Верхний Аскиз 1, кург. 2
(раск. А.А.Ковалева и С.В.Хаврина,
1991 г.)***

От редактора.

Выделение окуневской культуры явилось одним из наиболее важных событий в области изучения древней истории и археологии Южной Сибири в 60-70 гг. н.с. Одно за другим следовали сенсационные открытия А.Н.Липского (Тас-Хазаа, Бельтиры, Камышта), завершившиеся монографическим исследованием наиболее "чистого" окуневского могильника Черновая VIII (Г.А.Максименков). Великолепное и неожиданное для глубин Сибири изобразительное искусство; знаменитые Минусинские каменные изваяния, известные с Петровского времени и теперь вошедшие в фонд источников окуневской культуры, вызвали интерес к вопросам ее происхождения, истории развития и дальнейшей судьбы ее создателей у самого широкого круга специалистов.

... Сейчас этот интерес значительно понизился. Окуневская культура в свете новых, иногда менее значительных открытий потеряла ореол своей загадочности, хотя большинство из поставленных тогда вопросов так и остались неразрешенными. Обращением к данной теме участники конференции хотели бы вернуть внимание исследователей к окуневской проблеме. Естественно, в тезисах докладов нашли отражение не все ее аспекты, хотя по содержанию они охватывают достаточно обширный круг вопросов (культурогенез, окуневское искусство и металлургия, антропология и др.). Некоторые из докладов (например, об афанасьевских курильницах или орнаментированных костях эпохи знеолита из Казахстана) как будто не имеют прямого отношения к рассматриваемой теме. Это неверно. На современном этапе изучения имеет значение все, каким-либо образом связанное с окуневской проблемой - территориально, хронологически или в области той или иной сферы человеческой деятельности.

Окуневская проблема и некоторые подходы к ее решению.

Окуневская культура, выделенная Г.А. Максименковым, единственная в свите южносибирских культур эпохи бронзы, дополнившая знаменитую периодизацию С.А. Теплоухова (Теплоухов, 1929) и занявшая "место" между афанасьевской и андроновской культурами. Методические принципы ее выделения были теми же, какими руководствовался и С.А. Теплоухов, о чем свидетельствует периодизация культур эпохи бронзы, предложенная Г.А. Максименковым, по сути дела, повторяющая Таблицы С.А. Теплоухова только в обратной последовательности (не "снизу вверх", а "сверху вниз") и с включением ряда окуневской культуры (Максименков, 1975). Уже в этом изначально было заложено определенное противоречие, так как, если для афанасьевской и андроновской культур, несомненно пришлого происхождения, можно было, хотя и условно, определять начало и конец их существования в Южной Сибири, то окуневская культура, по Г.А. Максименкову - местного происхождения, включая ее истоки и реминисценции, должна была иметь более длинную хронологию.

Со времени выделения окуневской культуры прошло около 30 лет, и многое в представлениях о ней изменилось; причем, не столько в сторону конкретизации ранее установленных положений, сколько "вовлечения" в решение многих вопросов широкого круга сравнительных, а в ряде случаев типологически близких, археологических материалов, представляющих, в удачной формулировке Г.А. Максименкова - "окуневскую культуру и ее окружение" (Максименков, 1970).

В настоящее время в составе окуневской культуры выделяются, по крайней мере, два образующих ее компонента - местный, имеющий неолитические истоки и отражающий традиции присваивающей экономики со всеми присущими атрибутами; и пришлый, скорее всего, запад-

ный, связанный со скотоводством. Местный компонент нашел наиболее четкое выражение в составе предметов сопроводительного инвентаря (остроги, топоры, наконечники стрел, рыболовные крючки и т.д.); возможно, керамике из раннеокуневских погребений; некоторых образах изобразительного искусства, особенно - изображениях лося. Подобные изображения (а, следовательно, и местный компонент) жили достаточно долго, о чем свидетельствует находка роговой пластины с выполненными в той же манере головками лося и медведя из могильника Стрелка, найденной вместе с керамикой, по форме и орнаментации напоминающей андроновскую (Савинов, 1981). О том же говорит и использование стилистических приемов "ангарской" традиции в трактовке окуневских "хищников" (Подольский Н., 1973; Шер, 1980). В этой связи хотелось бы обратить внимание на одно изображение, еще не рассмотренное исследователями. Это - профильная фигурка существа с короткой раскрытой пастью, показанная как бы в полусидящем положении - Черновая IX, кург. 2, мог. 2 (Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980). Ближайшая аналогия этому изображению - антропоморфная фигурка из Базаихи (Окладников, 1957); более широкий круг параллелей распределяется очень широко - от писаниц Прибайкалья до Горбуновского торфяника. К этому выводу раньше по материалам мелкой пластики пришла С.В.Студзицкая, отмечавшая наличие "в окуневской культуре значительного древнейшего урало-сибирского пласта" (Студзицкая, 1973). Границы его были безусловно шире ареала распространения памятников окуневской культуры, местный компонент которой восходит к этому субстратному основанию; однако, это не является свидетельством аборигенного происхождения окуневской культуры как таковой.

Что касается пришлого западного компонента, то по этому поводу существуют различные точки зрения, но истоки его, точнее - место исхода носителей скотоводческой традиции и, соответственно, связанных с ней изобразительных сюжетов в окуневском культурном комплексе, остаются неясными. Не исключено и несколько импульсов западного влияния. Возможно, также, что на разных этапах развития окуневской культуры взаимодействие пришлого и местного компонентов могло осуществляться по-разному, но археологически это пока не прослеживается.

Как отметила Э.Б.Вадецкая, "собственных дат культура не имеет" (Вадецкая, 1986), что в значительной степени объясняется отсутствием в

составе погребального инвентаря бронзовых изделий, по которым могли бы быть произведены соответствующие типологические разработки. Первые радиоуглеродные определения получены только сейчас, после раскопок могильника Уйбат V (см. тезисы И.П.Лазаретова в наст. сборнике). Обычно время существования окуневской культуры определяется между концом афанасьевской и началом андроновской культур, условно XVIII-XIII вв. до н.э. (Вадецкая, 1986), что соответствует принципу выделения культуры, по периодизации Г.А.Максименкова. Однако, если подходить к окуневскому культурному комплексу не как к разделу периодизации, а сложному поликомпонентному историко-культурному образованию, то вряд ли хронологические границы окуневской культуры будут выглядеть столь определенно. С точки зрения методики решения вопроса о хронологии окуневской культуры была совершенно права М.Д.Хлобыстина, выделяя несколько групп памятников, каждая из которых занимает свое место в культуригенезе - от более ранних к более поздним (Хлобыстина, 1973).

Говорить о протоокуневских памятниках неолитического возраста пока не представляется возможным. Сыгравшее важную роль на этапе выделения окуневской культуры определение брахикранного компонента по материалам впускных погребений в афанасьевских курганах (Алексеев, 1961; Иванова, 1966), в настоящее время в качестве культурно-дифференцирующего признака представляется излишне категоричным. Вполне возможно сосуществование населения афанасьевской и окуневской культур, занимавших, по мнению Я.А.Шера, различные экологические ниши (Шер, 1991). Поэтому взаимовстречаемость окуневской и афанасьевской керамики вместе с представителями окуневского и афанасьевского антропологических типов, скорее всего, не является случайностью. Население, оставившее памятники окуневского типа в Туве (мог. Аймырлыг XIII, XXVII), относится к афанасьевскому типу (Гохман, 1980). Керамика из Каракола (Горный Алтай), памятника, судя по изображениям на стенках каменных ящиков, синхронного Тас-Хазе и Уйбату, несколько можно судить, также ближе афанасьевской (Кубарев, 1988). Подобных материалов еще мало, но они позволяют утверждать, что начало окуневской и конец афанасьевской культур в хронологическом отношении не являются строго сопряженными.

Не менее проблематичен завершающий этап окуневской культуры. Последующая андроновская культура с предшествующей окуневской явно не связана. По мнению ряда исследователей (А.Н.Липский, М.Д.Хлобыстина, Н.А.Членова, Э.А.Новгородова), окуневские (или афанасьевско-окуневские, в зависимости от принятой терминологии) племена сыграли роль в формировании карасукской культуры в южных районах ее распространения (каменноложский этап, по М.П.Грязнову; лугавская культура, по Н.А.Членовой; бейская группа памятников, по М.Д.Хлобыстиной; II группа могильников, по Э.А.Новгородовой). Не рассматривая здесь этого вопроса, следует отметить, что очевидное разделение карасукской культуры на два комплекса (условно - карасукский и каменноложский) соответствует характеру распространения андроновской культуры в Минусинской котловине, занявшей только северные районы и не проникшей на юг, где окуневские (или афанасьевско-окуневские) традиции могли существовать значительно дольше.

В настоящее время уже имеется ряд конкретных ситуаций, подтверждающих это предположение. Так, на поселении Тоора-Даш в Саянском каньоне Енисея слои с керамикой окуневского типа сменяются каменноложскими (Семенов, 1992). Неоднократно отмечено, что некоторые стилистические приемы окуневских изображений имели продолжение в искусстве скифского звериного стиля (Пяткин, 1987; Шер, 1989). Ритуальные комплексы с окуневскими изваяниями, исследованные Л.Р.Кызласовым (Кызласов, 1986), по своему расположению и сочетанию с местами жертвоприношений предвосхищают сложные планиграфические комплексы с оленными камнями (Волков, 1981). Крестообразная планировка наземных сооружений из могильников Карасук II и VIII, относящихся к раннему этапу развития окуневской культуры, аналогична (и это правильно отмечено М.Н.Комаровой - Комарова, 1981) планиграфии многочисленных херексурсов Центральной Азии эпохи поздней бронзы. О том, что подобные памятники существовали здесь и раньше, свидетельствует курган из Худжирта с радиальными перемычками внутри ограды, антропологический тип погребенного в котором "обнаруживает поразительное сходство" с погребенными в памятниках монгун-тайгинского типа (Гохман, Влчек, 1991), на каком-то этапе синхронными с окуневской культурой Енисея. Эти и некоторые другие материалы пока не образуют определенной системы, но в целом, как отдельные вершины

затонувшего айсберга, свидетельствуют о том, что окуневские традиции жила еще очень долго в практически не исследованных в археологическом отношении глубинах Центральной Азии.

Таким образом, окуневская проблема может быть представлена в двух основных плоскостях - формирование собственно окуневской культуры Среднего Енисея и вопросы, связанные с развитием окуневской культурной традиции, имевшей значительно более широкий ареал распространения. В том, что составляет "окружение" окуневской культуры, по-видимому, следует различать явления различного порядка: те, которые относятся к общему субстратному основанию (например, глазковская культура); те, которые показывают продвижение носителей западного компонента, определяющего формирование окуневской культуры Минусинской котловины (каракольская культура, по В.И.Молодину); те, которые являются отражением влияния окуневской культуры на более северные культурные образования (самусьская и кротовская культуры); те, которые, возможно, указывают на продвижение окуневцев на юг во время и после андроновской экспансии (памятники типа Аймырлыг или чаа-хольская культура, по В.В.Боброву). Иное решение вопроса - рассмотрение окуневской культуры Минусинской котловины и других культурных образований с проявлением окуневской традиции в одном хронологическом срезе (типа своеобразного "блока культур"), но, на наш взгляд, различия между ними все же достаточно велики. Общими оказываются чаще всего образы изобразительного искусства, т.е. памятники идеологического, а не культурно-генетического значения.

Мы намеренно не касаемся здесь вопроса об окуневском искусстве, феномен которого заключается, в первую очередь, в разнообразии видов изобразительной деятельности, представленных сюжетов и их стилистических решений (Кожин, 1980), которые теоретически (и это одно из возражений против определения их всех как окуневских) вряд ли могут быть свойственны одной археологической культуре, как бы "вобравшей" в себя всю изобразительную деятельность древнего населения Южной Сибири (от неолита до эпохи поздней бронзы). Однако, учитывая многокомпонентность окуневской культуры и длительное существование соответствующей культурной традиции, их окуневская принадлежность, как в узком, так и широком значении термина, представляется наиболее вероятной; более того, именно так должно было выглядеть

искусство, вобравшее и аккумулировавшее в себе различные культурные традиции.

М.Л.Подольский

Становление скотоводства на Саяно-Алтае и окуневская проблема (феноменологическая модель).

Окуневский материал, при всей его яркости, на удивление плохо поддается интерпретации. По отношению к нему, видимо, общепринятый метод моделирования археологической ситуации неэффективен. Этот метод, исходящий из единой пространственно-временной сетки и распределяющий весь материал по археологическим культурам, предоставляет каждой из них особую "ячейку", ограниченную географически и хронологически. Такая "каркасная" модель, если и приемлема в более или менее стандартных случаях, для окуневского феномена оказывается чрезмерно жесткой.

Прежде всего, корректно выделить окуневскую культуру "на прямую" не удастся: либо она оказывается расплывчатой, "безразмерной" либо ее приходится вырезать из археологического контекста "по живому". Необходимо начинать с модели более крупного масштаба, с блока явлений, связанных со становлением скотоводства на Саяно-Алтае и сопредельных территориях.

Материалы, относящиеся к этому блоку, разнородны. Афанасьевская культура. Культуры "окуневского крута". Комплексы, в смысле культурной принадлежности пока еще "зависающие" - в том числе предположительно неолитические (со скотоводством). Памятники изобразительного искусства, культурная атрибуция которых вызывает споры.

При моделировании любого явления (физического ли, исторического ли) должны быть корректно сформулированы и удовлетворены пространственно-временные граничные условия. В данном случае пространственные условия определяются, главным образом, восточно-европейскими параллелями (скотоводство, погребальный обряд, металл, керамика и пр.). Не исключены восточные (скажем, китайские) аналогии, но это влияние - если оно и было - второго порядка. Временные условия определяются местной начальной ситуацией (неолит с охотничьим хо-

зайством) и конечной (андроновская экспансия, с одной стороны, и появление карасукской культуры, с другой).

Обстановка того времени на восточной окраине европейских степей (Поволжье, Приуралье, Прикаспий) достаточно активна, чтобы периодически выплескивать на восток скотоводов-переселенцев, но не дает оснований предполагать их массовую доандроновскую экспансию.

Учитывая все указанные соображения, наиболее вероятной представляется рассредоточенная в пространстве и времени фильтрация в восточном направлении отдельных групп скотоводов. Надо полагать, что это были, в первую очередь, наиболее консервативные носители архаичных традиций, не склонные и, видимо, не способные к конкурентной борьбе за пастбища. Наиболее интенсивно это должно было происходить в бурное ямно-катакомбное время (полтавкийский этап).

В культурном плане, в зависимости от отношений с аборигенами, этот процесс мог заканчиваться двояко: либо в том или ином виде происходила ассимиляция, либо переселенцы или же их потомки в условиях относительной изоляции консолидировались друг с другом.

Появление переселенцев на новых местах должно было повлечь за собой - в качестве вторичного явления - какие-то перемещения местного населения, существенно осложнявшие общую обстановку. Не исключено, скажем, проявление прибайкальской неолитической керамической традиции в Минусинской котловине.

Таким образом, нет никаких оснований говорить о переносе в Сибирь культуры или культур европейского происхождения. Речь может идти лишь о появлении там "плодотворной" культурной среды, о предпосылках культурогенеза, которые впоследствии могли реализоваться. Соответствующая археологическая картина должна быть чрезвычайно сложной, что непрерывно усугубляется по мере накопления типологического разнообразия вновь исследуемых памятников. Работая с памятниками именно этой эпохи, археологи должны быть готовы к неожиданным, даже сенсационным открытиям.

Почему и когда возникла та методологическая проблема, о которой идет речь? Начиная научное осмысление рассматриваемой эпохи, С.А.Тешлоухов выделял афанасьевскую культуру, что не вызывает никаких сомнений или противоречий. Практически сразу же было замечено наличие особого "окуневского" культурного пласта, который впослед-

ствии расценивался то как позднеафанасьевский, то как раннеандроновский. Раскопки могильника на речке Черновой позволили Г.А.Максименкову вполне обоснованно выделить еще одну археологическую культуру, относящуюся к той же эпохе. Но к этому времени археологическая картина была уже настолько сложной, что каркасная модель оказалась не способной отразить ее. Она требовала либо включения в состав только что открытой культуры всех неафанасьевских памятников рассматриваемой эпохи, расположенных в Мияусьинской котловине (и по соседству), либо расширения перечня культур, что уже и предлагалось - гипотетически (М.Н.Комарова) или вполне конкретно (Л.Р.Кызласов). Но если при объединении в рамках отдельной археологической культуры афанасьевских памятников или памятников окуневско-черновского типа археологический материал "говорил" сам за себя, то при дальнейших исследованиях наметилась тенденция к "насилию" над ним.

Чтобы преодолеть эту порочную тенденцию, необходимо перейти к более пластичной модели, которую можно назвать феноменологической. Очевидно, используя только такие общепринятые категории, как культура и ее производные (вариант, этал, общность), в принципе невозможно адекватно представить соответствующую археологическую картину. Для ее описания целесообразно ввести новое понятие - археологический фон. Привлечение этого понятия, не требуя полного пересмотра сложившихся в археологии концепций, позволяет внести в них необходимые коррективы.

Атрибуция афанасьевских памятников обычно не вызывает затруднений - они сравнительно однородны. С остальными раннескотоводческими комплексами Саяно-Алтая дело обстоит сложнее. С одной стороны, нельзя сводить проблему к альтернативе: если не афанасьевская культура, значит окуневская. Говоря об окуневской культуре, надо уточнять или, хотя бы, помнить, что речь идет о памятниках черновского типа - подключать к ним Тас-Хазу, например, в некоторые другие комплексы некорректно. С другой стороны, не решает проблемы и принцип "быстрого реагирования" с поспешным выделением новых культур и эталов. Много перспективнее рассматривать нестандартные памятники как "археологический фон" (по сложившейся традиции его тоже, видимо, придется называть окуневским - целесообразнее и проще сохранить привычное имя, переосмыслив его, а не изобретать новое).

Культурный пласт, который стоит за этим понятием, обладает в смысле гипотетических культур и этапов колоссальным потенциалом, но в силу своей специфики (рассеянный приток разнородных, типологически разновременных, часто очень архаичных элементов) плохо поддается хронологическому анализу.

Основное преимущество предлагаемой модели заключается, пожалуй, в том, что она позволяет не дробить до поры то ярчайшее явление, пока еще должным образом не понятое, которое заложено в окуневском - в широком смысле - материале, и воспринимать его в максимально возможной целостности. Нет никаких сомнений: когда появление на свет новой культуры или нового этапа станет по настоящему актуальным, окуневский археологический фон "породит" их. Этому может помешать только наша собственная поспешность.

Е. Д. Шаульс

Истоки культурного единства степей Евразии (прикосновение к проблеме).

Окуневская культура Минусинской котловины - яркое явление в ряду культур Евразийских степей III-II тыс. до н.э. Своеобразие этой археологической культуры связано, в первую очередь, с удивительными образцами изобразительного творчества, не имеющего себе равных. При практическом отсутствии в Минусе материалов поселений, относящихся к этому времени, основным источником наших знаний об окуневской культуре являются данные, полученные в результате раскопок могильников. На первый взгляд, этот материал также свидетельствует об абсолютной исключительности окуневской культуры. Однако, если обратиться к истории вопроса, то можно заметить, что могилы, относимые сегодня к окуневской культуре, еще сравнительно недавно исследователя именовали то позднеафанасьевскими, то раннеандроновскими. Да и сама окуневская культура была выделена только через 40 лет после создания С.А. Теплоуховым не устаревшей и поныне периодизации. "Классические" окуневские могильники - типа эталонного могильника на речке Черновой - не исчерпывают всего разнообразия погребальных памятников окуневской культуры. В последнее время делаются попытки раз-

делить культуру на этапы, т.е. дать различиям хронологическое объяснение (см. тезисы И.П.Лазаретова и Л.А.Соколовой в наст. сборнике). Мне более близок подход М.А.Подольского (см. тезисы в наст. сборнике), предлагающего не членить до поры культуру, а осмысливать этот феномен в целом. Понимание возникновения феномена окуневской культуры невозможно, с моей точки зрения, без целостного понимания процессов, происходивших как в Минусинской котловине, так и на всей полосе Евразийских степей.

В III тыс. до н.э. в степной полосе Евразии сложилась новая общность - общность скотоводов. От бывшей разобщенности племен, населявших эту территорию не осталось и следа. Началась эпоха подвижного скотоводства, распространения металлургии, колесного транспорта, возросла роль коммуникативного фактора, возникло новое мировоззрение. Важнейшим источником изучения культуры населения степей Евразии являются могильники. Данные, полученные в результате раскопок погребальных памятников, позволяют нам проследить распространение тех или иных культурных явлений во времени и пространстве. Так, в западной части степей фиксируются три крупнейшие, сменяющие друг друга образования: ямная, катакомбная и срубная культуры. В степях Енисея им соответствуют афанасьевская, окуневская и карасукская культуры. Сходство ямной и афанасьевской культур подмечено давно. Объясняется оно единством происхождения, и решающим доводом является сходство антропологического типа носителей этих культур. В меньшей степени обычно обращается внимание на сходство катакомбной и окуневской культур. Лишь в последнее время, в связи с обнаружением катакомб в Хакасии, возник вопрос о возможной миграции в енисейские степи пришельцев с Запада. Многие сибирские археологи и по сей день, вслед за Г.А.Максименковым, убеждены в местном происхождении окуневской и близких ей культур (Э.Б.Вадецкая, В.И.Молодин, В.И.Матющенко). Не вдаваясь в сущность разногласий между исследователями, нужно отметить, что многих недоразумений можно избежать, если внимательно присмотреться и попытаться проанализировать погребальный обряд в широком временном и пространственном диапазоне. Для этого необходимо отвлечься от конкретно-материального подхода к нему и выйти на уровень обрядовых категорий. Погребальный обряд, как явление культуры, отражает в первую очередь религиозные представления людей. Про-

водя сравнение и анализ на уровне категорий, мы можем не только получить общую картину процессов, но и перейти из мира вещей в мир идей.

Как прапаяло, ямные и афанасьевские могилы практически не содержат иного инвентаря, кроме керамики. Погребенные лежат в них на спине или на боку, с подогнутыми ногами. Та же поза погребенных фиксируется в катакомбных и окуневских могилах. Очень часто катакомбные погребения размещаются по кругу в кургане, в центре которого расположена ямная могила. Тенденция размещения погребений вокруг центральной могилы четко прослеживается в окуневских курганах, ту же тенденцию отмечают исследователи погребальных комплексов Сянташты. Из всех культур Минусы эпохи бронзы единственно окуневцы намеренно помещали часть своих погребенных в афанасьевские кольца. И катакомбники, и окуневцы, и петровцы (Сянташта) создают в пределах кургана целые кладбища, пренебрегая при этом ориентировкой погребенных. Расположены кладбища всех этих культур по берегам рек. Категории предметов, обнаруженных в погребениях катакомбно-окуневского круга культур, в значительной степени совпадают. Это топоры, так называемые булавы, копыя, каменные наконечники стрел, ножи-кинжалы, гарпуны, рыболовные крючки, шилья, игольники, зубы диких животных. В то же время украшения и керамика имеют несомненные отличия и относятся к разным археологическим культурам. Весьма показательны наличие орнамента в виде спирали на катакомбных сосудах, такой же орнамент на дне сосудов из Синташты (андроновская керамическая традиция), а также на дне окуневских горшков, имеющих в значительной степени неолитический облик. На дне некоторых синташтинских и окуневских сосудов встречается орнамент в виде креста. Примечательно, что ни у одного андроновского сосуда из Минусы таких орнаментов на дне нет. Широкое распространение в степях от Дуная до Енисея многих "неолитических" предметов - например, гарпунов, рыболовных крючков, зубов диких животных и т.д. - заставляет усомниться в весомости аргументов исследователей, придерживающихся гипотезы местного происхождения культур окуневского круга.

Перечисленные наблюдения и факты в целом не новы. Однако, убедительного объяснения они до сих пор не нашли. Ссылки на стадиальность или конвергентность (Мерперт, 1982) выглядят простой констата-

цией. Объяснение сходства миграциями - "великим переселением народов" (Шер, 1994) - в принципе верно, но на сегодня недоказуемо. Исходя из специфики погребальных памятников, отражающих в своей основе религиозный аспект, мы можем представить, в самых общих чертах, наблюдаемые черты сходства как показатель движения религиозной концепции, которая возникает в ямную эпоху и продолжает существовать на протяжении всей эпохи бронзы на всей территории Великой степи. Мне представляется, что эта религиозная концепция, достаточно своеобразно преломившаяся в степях, имеет свои истоки (как и хозяйство) в неолитических культурах Европы, а также в культурах крашеной керамики. Во всяком случае, все необходимые предпосылки хозяйственного и религиозного плана имеются в трипольской культуре, культурах шаровидных амфор и воронковидных кубков. Что касается направления движения этого явления, то наиболее вероятно, что оно шло с запада на восток.

Конечно, предложенное видение единства степных культур, основанное на рассмотрении погребального обряда, не единственное, но именно оно помогает объединить частное и общее в сплошном процессе. Такой подход позволяет, не выходя за рамки специфики археологической науки, ставить и решать вопросы, связанные с материалом, на исследование которого - на любом уровне - археология имеет монопольное право. Основываясь на этом, мы можем предположить, что в смене трех культурных единств степной полосы Евразии, которые можно назвать ямно-афанасьевским, катакомбно-окуневским и срубно-карасукским, прослеживаются три этапа развития одной религиозной концепции. Катакомбно-окуневская эпоха является временем наибольшего подъема (пика) в этом процессе. Наглядное выражение эта концепция находит в окуневских личинах и в окуневском искусстве в целом. В рамках такого понимания нас уже не удивит ни отнесение какой-то части личин к афанасьевскому времени, ни находка личины в карасукском жилище.

Конечно, впереди нас ожидает большая работа в плане конкретного объяснения различных черт погребального обряда, но никто за нас не решит, что скрывается за видимым сходством и различиями этого типа памятников. Совершенно очевидно, что эта общая религиозная концепция, нашедшая свое отражение в погребальном обряде, не исчерпывает

всей полноты религиозных представлений конкретных обществ того далекого времени. Итогом этой работы, как мне представляется, должно стать создание единой религиозной модели для этой эпохи, которую можно назвать эпохой повозок, в отличие от следующей эпохи - эпохи всадников, где та же значительно переработанная концепция находит новое воплощение в скифо-сибирском единстве.

И. П. Лазаретов

К вопросу о ямно-катакомбных связях окуневской культуры.

До недавнего времени архаичный пласт окуневской культуры был представлен единичными, весьма разнородными комплексами, в той или иной степени отличающимися от классических памятников черновского типа (Хлобыстина, 1973; Комарова, 1981). Исследование могильников в долине Уйбата позволило выделить ряд специфических элементов, характерных для большинства равнинных комплексов: курганные насыпи, усеченно-конусовидные надмогильные сооружения, иногда с диагональными выкладками, катакомбы, грунтовые ямы и ямы с заплечиками, часто с дополнительными каменными конструкциями, ярусные захоронения, плоскодонная и округлодонная посуда со сплошной орнаментацией стенок крупными оттисками штампа и жемчужинами по венчику, обилие украшений из зубов диких животных, прежде всего соболя (Лазаретов, 1994).

Выявленные конструктивные особенности памятников уйбатского типа в значительной мере подрывают традиционные представления о сугубо местных корнях окуневской культуры. Судя по косвенным данным, население Южной Сибири эпохи неолита практиковало захоронения в грунтовых могильниках, либо иные способы погребения, не поддающиеся фиксации. Возникновение в этой среде четко выраженной идеи кургана-ограды как замкнутого сакрализованного пространства, предназначенного для многочисленных последовательных захоронений, археологически не прослежено, и едва ли возможно в принципе. Традиция впускных погребений совершенно чужда и афанасьевской культуре Саяно-Алтая. Курганам этого времени содержат одну, реже две симметрично

расположенных могилы под общей насыпью. Детские захоронения вынесены за пределы ограды. Не имеют аналогов на Енисее и обнаруженные в раннеокуневских комплексах погребения в ямах с заплечиками и катакомбах. Зато за пределами Южной Сибири, в памятниках восточно-европейской степной зоны и Средней Азии, такого рода конструкции распространены исключительно широко (Кузьмина, 1958; Свнидцын, Эрдняев, 1963; Качалова, 1962; Крупнов, Мерперт, 1963; Братченко, 1976). Причем, и в юго-западной Туркмении и на Нижнем Дону как будто удается проследить их местную линию происхождения (Хлопши, 1983; Кияшко, 1990). Там же, начиная с ранних этапов ямной культуры, наблюдается формирование традиции впускных погребений (Мерперт, 1963). В могильниках катакомбного времени этот обычай предстает уже в сложившемся виде. Катакомбные погребения обычно группируются около центрального захоронения, образуя дугу или полукружие. Северный сектор, как правило, оставался незаполненным (Братченко, 1976). Такая же система размещения могил в пределах кургана отмечена в памятниках окуневской культуры, с той разницей, что на Енисее свободной оставалась восточная часть ограды (см. тезисы Е.Д. Паульса в наст. сборнике).

Появление в погребальных комплексах уйбатского типа ряда вполне оформившихся конструктивных элементов западного происхождения дает основания предполагать весьма существенную роль пришлого компонента в формировании окуневской культуры, а их встречаемость позволяет значительно сузить исходный ареал и хронологические рамки гипотетической миграции. По отдельности ямы с заплечиками и катакомбы бытуют в огромном пространственно-временном диапазоне, однако вместе эти типы погребальных сооружений сочетаются только в переходный позднеямный-раннекатакомбный период и только на территории к востоку от Дона (Качалова, 1962; Кияшко, 1990).

Судя по данным радиоуглеродного метода, с учетом калибровки, эти погребения на Нижнем Дону могут датироваться финалом третьей - четвертой четвертью III тыс. до н.э. (Кияшко, 1990). Однако, справедливость дендрохронологической поправки, требующей удревления существующих дат на несколько столетий, оспаривается многими археологами. Без таковой период бытования переходных ямно-катакомбных комплексов и, соответственно, 3-го этапа ямной культуры Волго-Уральского между-

речь укладывается в конец III - I-ю четверть II тыс. до н.э. (Мерперт, 1963).

Для окуневской культуры имеется единственная радиоуглеродная дата кургана I могильника Уйбат V, полученная в Гейдейльбергской лаборатории (ФРГ) - 1880 ± 25 г. до н.э. С учетом калибровки она вписывается в интервал 2335-2190 гг. до н.э. С нашей точки зрения дендрохронологическая поправка является излишней.

А.А.Ковалев, А.Д.Резепкин

Курильница из дольмена в урочище Клады и проблема происхождения курильниц афанасьевской культуры.

Проблема происхождения сибирских курильниц эпохи бронзы неоднократно упоминалась в научных исследованиях. Ведь в случае доказательства генетической либо стадиальной связи курильниц Сибири с подобными сосудами степей Причерноморья и Предкавказья, находки этих предметов в афанасьевских и окуневских комплексах становятся важнейшим основанием абсолютной хронологии южносибирских памятников ранне- и среднебронзового века. Ряд исследователей, вслед за С.В.Киселевым, придерживаются мнения о происхождении сибирских курильниц от курильниц катакомбной культуры (Киселев, 1951; Иванова, 1970; и др.). Э.Б.Вадецкая, напротив, в своей обобщающей статье о сибирских курильницах воздерживается от столь однозначных выводов и предпочитает говорить скорее о "единстве исторического процесса", сформировавшего, видимо, соответствующие типы погребального инвентаря (Вадецкая, 1986). К сожалению, даже после выхода в свет развернутой публикации сибирских курильниц и ряда публикаций вновь обнаруженных курильниц Алтая, не было предпринято попытки уточнить типологические основания связи форм курильниц Европы и Азии. Сравнению подлежали курильницы лишь по самым общим признакам, найти которые можно в материале любого региона и любой эпохи.

В связи с тем, что сама по себе категория открытых глиняных сосудов на поддоне либо на ножках, с отделением или без, могла присутствовать в любом культурном контексте, только выявление сугубо специфических и наиболее устойчивых признаков афанасьевских курильниц,

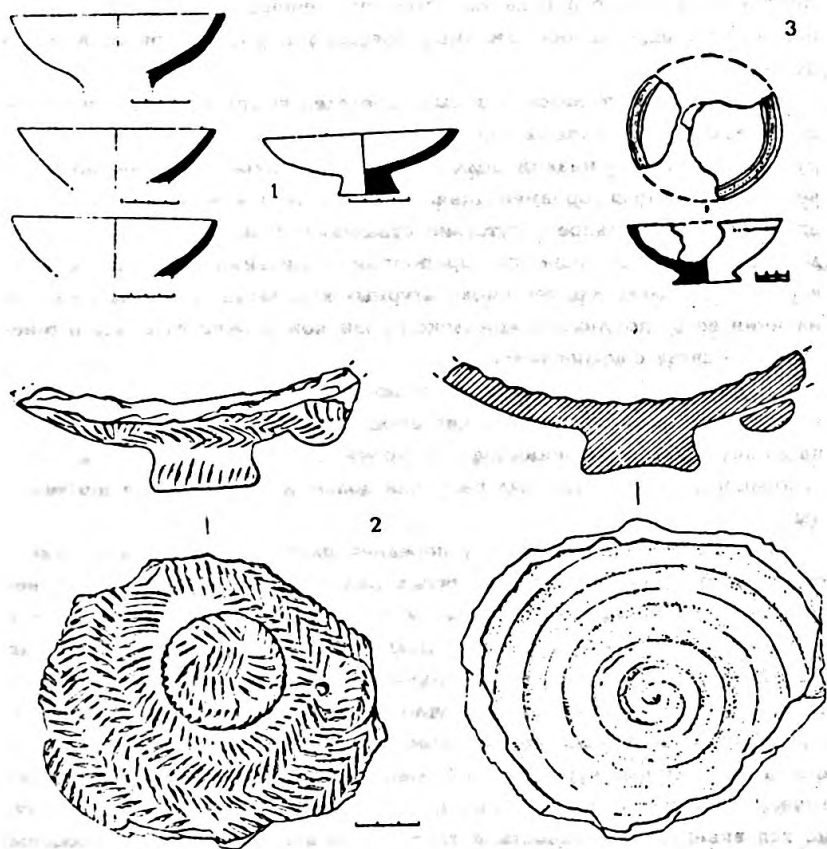

Рис. 1. Курительница из урочища Клады и аналогии.

прочны связанных с афанасьевским контекстом, может дать основание для поиска прототипов либо производных форм курильниц. Методология такого научного поиска уже была применена одним из авторов на примере происхождения каменных боевых топоров Северного Кавказа (Ковалев, 1989).

В результате исследования был определен комплекс следующих специфических и устойчивых черт курильниц афанасьевской культуры: округлый массивный низкий поддон, налепное ушко с вертикальным отверстием, елочная орнаментация, нанесенная гребенчатым (прямым) штампом, обязательное отсутствие отделения. При отмечаемой Э.Б.Вадецкой общей массивности, пропорции курильниц довольно сильно варьируют. Только для тех инокультурных курильниц, которые имеют в наличии весь упомянутый комплекс признаков, можно говорить о генетической связи с афанасьевскими.

Единственным предметом, отвечающим выдвинутым нами требованиям, несмотря на специфические пропорции, пока является курильница из впускного погребения кург. 39 урочища Клады под станицей Новосвободной в Адыгее, где был раскопан дольмен, оказавшийся неграбленным.

Внутри камеры дольмена, у передней плиты перед входным отверстием на галечном полу лежало пять курильниц двух типов. Тип 1. К нему относятся четыре экземпляра; у трех основания утрачены еще в древности, четвертый сохранился полностью и представляет собой как бы миску на высокой ножке-поддоне. Диаметр венчика составляет 12,5см, высота - 4,5см; диаметр круглой ножки - 4см, высота - около 2см. Курильница хорошо обожжена, темного плотного теста, хорошего лощения. Тря остальные курильницы без ножек, но во всем остальном практически аналогичны первой (Рис. 1, 1). Тип 2. По форме близок первому, но вся внешняя поверхность, а также край венчика, орнаментированы горизонтальными рядами "елочки", сделанными наколами широкой гребенкой. Внутренняя часть курильницы орнаментирована рельефной спиралью, идущей от дна к венчику. С одной стороны, на внешней части тулова, находилась ручка с вертикальным сквозным отверстием. Курильница хорошего обжига и лощения, светло-коричневого цвета, тесто плотное, тяжелое, без видимых примесей. Диаметр венчика 16см, высота - 6см; диаметр дна - 5,5см, высота дна - 3,2см (Рис. 1, 2). У передней стены

дольмена, снаружи, стоял еще один сосуд с рифленой петельчатой ручкой. Помимо керамики в погребении обнаружены и металлические изделия: две бронзовые полусферические бляшки, бронзовая пронизка, два бронзовых кинжала.

Ближайшие аналогии курильницам первого типа мы находим в погребении катакомбного времени на Ставрополье в кургане 28 погребения 2 могильника Чограй VII (Андреева, 1989). По форме они почти идентичны, только ножка у курильницы из Чограя VII более уплощена и по венчику и под венчиком идет ряд наколов (Рис. I, 3). Данный тип погребений автор относит к расцвету предкавказской катакомбной культуры, который, согласно Н.И.Шишлиной, относится к пятому хронологическому горизонту средней бронзы Северного Кавказа, соответствующего преддонецкой и 1-й хронологической группе донецких катакомбных погребений, по В.А.Трифонову, раннеполтавкинским комплексам 1-й и 2-й ямно-катакомбных групп Поволжья, по В.И.Мельнику (Шишлина, 1992). По типологическим особенностям кинжалов, это время соответствует ранней фазе среднего периода донецкой катакомбной культуры (по С.Н.Братченко), второй группе полтавкинской культуры (по Н.К.Качаловой и Н.Я.Мерперту), горизонту С эпохи бронзы на Северном Кавказе (по В.А.Сафронову). В абсолютных датах это будет последняя четверть III тыс. до н.э. (Кляшко, 1990).

В погребениях бронзового века Предкавказья обнаружены также курильницы, обладающие лишь некоторыми из искомым черт при наличии других качественных признаков, встречающихся на афанасьевских курильницах. В первую очередь здесь следует отметить находку В.А.Марковиным возле дольмена № 497 на р. Кизинка фрагментов курильницы, орнаментированной оттисками гребенчатого штампа в виде горизонтальной "елочки". Внутренняя поверхность сосуда, как и у курильницы из урочища Клады, покрыта каннелюрами. Сохранились лишь фрагменты стенок (Марковин, 1978). Курильница, совершенно аналогичная сосуду из ограды 1 афанасьевского могильника Летник VI (Вадецкая, 1986), с елочной орнаментацией гребенчатым штампом, без ушка и с небольшой крестовидной подставкой была обнаружена в 1904 году Н.И.Веселовским в кургане 5 у ст. Келермесской (Веселовский, 1907). Курильница с елочной орнаментацией, нанесенной гребенчатым штампом, с напленным ушком с горизонтальным отверстием и четырьмя небольшими

ножками была найдена в погребении 4 кургана 2 у г. Светлограда (Ставрополье). Погребение было совершено в Т-образной впускной катакомбе (Андреева, 1986). Хронологическое положение Т-образных катакомб данного вида достаточно хорошо определено - это горизонт С, по Сафронову; по стратиграфическим данным такие катакомбы в Прикубанье (тип 1, по Трифонову) предшествуют всем остальным типам катакомб. В.А.Трифонов синхронизирует эти памятники с "первым общим, наиболее ранним периодом развития катакомбных памятников в целом" и датирует рубежом III-II тыс. до н.э. (Трифонов, 1991). Курильница на четырех небольших ножках, елочной орнаментацией гребенчатым штампом, перемежающимся рядами наколов, с небольшим налетом с вертикальным отверстием найдена и у разрушенного каменного ящика в кургане у Конзавода 168 на Кавминводах (Кореневский, 1991). В памятниках иных регионов не встречено курильниц с подобным, не выходящим за рамки даже широко понимаемого афанасьевского стандарта набором признаков.

Таким образом, накопленный на сегодняшний день материал показывает, что на территории ограниченного региона Предкавказья существовала традиция изготовления курильниц, совпадающая по набору определяющих качественных признаков с аналогичной традицией чрезвычайно удаленного южносибирского региона и выделяющаяся этим на фоне общих для евразийских степей культурных норм. На наш взгляд, это дает возможность говорить о генетической связи указанных традиций. Более-менее определенное отнесение рассматриваемых нами северокавказских комплексов к последней четверти III тыс. до н.э. позволит уточнить абсолютную и относительную хронологию афанасьевской культуры.

Л.А.Соколова

Проблема сложения окуневской культуры.

Со времени атрибуции окуневской культуры Г.А.Максименковым прошло ровно 30 лет, в течении которых в основном осмысливался уже известный материал. Открытие И.П.Лазаретовым окуневских курганов у ст. Уйбат в 1992-93гг. позволило несколько расширить рамки наших пред-

ставлений по окуневской проблематике (Лазаретов, 1994)¹. Уйбат III/1 по целому ряду признаков входит в группу наиболее архаичных из известных на сегодняшний день памятников и дает возможность довольно аргументированно ставить вопрос о происхождении окуневского культурного комплекса.

В свое время Г.А.Максименков высказал предположение о северном происхождении окуневцев, основываясь на сходстве антропоморфных, зооморфных изображений, керамики, инвентаря (Максименков, 1965). А.А.Формозов, не отрицая, в целом, северной линии связей, обращал внимание на определенные южные и западные ассоциации (Формозов, 1969). В своей докторской диссертации Г.А.Максименков несколько изменил прежнюю точку зрения, более склоняясь к мысли о "сугубо местном минусинском происхождении окуневской культуры". Здесь же он пишет о том, что "было бы очень заманчиво сделать вывод о близости окуневской культуры к стоянке Унюк", но материал для сравнения, который давали раскопанные к тому времени окуневские погребения, скорее вызвал к интуиции исследователя, чем давал такую возможность.

Более определенно высказался в этом отношении исследователь минусинского неолита А.В.Виноградов: "В позднем окуневском керамическом комплексе, аналогичном материалам эталонного (по Г.А.Максименкову) могильника Черновая VIII, можно наблюдать результат конвергенции унюкской и новоселовской керамических традиций" (Виноградов, 1982).

В этом контексте керамический комплекс центрального погребения кургана Уйбат III/1 представляет собой недостающее звено между неолитической и окуневской традициями в изготовлении сосудов. Центральная могила кургана Уйбат III/1 представляла собой сильно потревоженную коллективную усыпальницу, содержащую, как минимум, 10 погребенных. Серия керамики из этой могилы довольно многочисленна - порядка 18 сосудов, хотя и весьма фрагментированных. Керамика рыхлая, пластинчато-комковатой структуры; в качестве отощителя использован, в основном, песок, изредка - шамот. Сосуды имеют простой, слабо выпуклый профиль с округлым, уплощенным и плоским дном. Орнамент

¹ Приношу благодарность И.П.Лазаретову за разрешение использовать неопубликованный материал.

выполнен в отступающе-накольчатой технике, в одном случае сосуд украшен парными рядами шагающей гребенки. Почти все сосуды имеют пояс "жемчужин" под венчиком. Сам венчик нередко украшен насечками по внутреннему и внешнему краю или по срезу. Лепка сосудов грубая, в некоторых случаях хорошо читается форма лент, хотя небольшие круглодонные сосуды, скорее всего, лепились из комка. Толщина стенок сосудов иногда превышает 1 см. Цвет поверхности - от охристого до черного. Орнаментация сплошная, включая дно.

Самые близкие аналогии этому комплексу мы находим в материалах поселения Унюк (Зяблин, 1973; Зяблин, Виноградов, 1991), в слоях VII-VI многослойного поселения Казачка (Генералов, 1979), в слое II-а Усть-Бельского поселения (Савельев, Медведев, 1973), в III слое стоянки Няша (Дроздов, Погудин, 1979). Эти керамические комплексы представлены в основном закрытыми или открытыми параболическими формами с округлыми днищами, хотя во всех памятниках присутствуют немногочисленные фрагменты плоских донышек. Художественная орнаментация выполнена в отступающе-накольчатой технике, изредка встречаются прочерченные композиции. "Визитной карточкой" этого комплекса является орнамент, который получил в литературе до десятка наименований и породил дискуссию о способах его нанесения. Это - так называемый "гусевичный", "желобчато-гребенчатый" орнамент или "зубчатое колесико". По поводу этого орнамента А.П.Окладников пишет, что он "полностью повторяется в десятках и сотнях образцов на территории Прибайкалья" (Окладников, 1957). Этот же орнамент мы встречаем и в материалах указанных неолитических поселений, и в керамическом комплексе кургана Уйбат III/1, и в довольно позднем окуневском кургане Верхний Аскиз I (раскопки А.А.Ковалева, С.В.Хаврина), что само по себе демонстрирует стойкую преемственность, а значит и генетическое родство соответствующих групп населения.

Все упомянутые поселения находятся в единой эколого-географической зоне. Поселение Унюк располагалось на Енисее, в 3 км выше устья реки Сыда. Стоянка Няша, также на Енисее, в 6 км от пос. Березовка. Поселение Казачка - на берегу р. Кан, правого притока Енисея, в контактной зоне между Канско-Рыбинской лесостепью и Енисейским краем. Поселение Усть-Белая - у места впадения р. Белой в Ангару. Подобная керамика встречается и на самой Ангаре: пос. Эдучанка (Бере-

зин, 1978), на острове Жилом (Васильевский, 1978), и на Байкале: слой В-3 Улаи-Хады (Горюнова, Хлобыстин, 1992), стоянка Обухежа (Кушнарева, Хлопин, 1992).

Анализ прочего инвентаря этих памятников еще ярче демонстрирует тесные внутренние связи между ними. Даже самый западный вещевой комплекс поселения Унюк содержит не только изделия из зеленого нефрита, совершенно идентичные ангарским и байкальским аналогам, но и несколько песчанниковых пил для распиловки этого вязкого материала. Это доказывает несомненный факт знакомства населения Унюка с весьма специфичной техникой изготовления изделий из нефрита. А, стало быть, как минимум часть его населения пришла на берега Енисея из мест, где находила и обрабатывала нефрит. Поскольку Енисейско-Байкальский регион имеет единую гидросеть, то подобные миграции были не только возможны, но и неизбежны.

Так как эти поселения территориально и, по всей видимости, хронологически довольно близки, то было бы логично предположить, что район между Енисеем и Байкалом представлял единую этнокультурную зону. Время бытования этой общности определяется абсолютной датой VI слоя поселения Казачка - 6650±200 лет назад.

В ряду доказательств в пользу восточной миграции в Минусинскую котловину особое место занимают петроглифы прибрежных скал Ангары и Енисея. Подробный анализ их провел Н.А.Подольский (Подольский Н., 1973), что избавляет нас от необходимости останавливаться на данной теме. Эта идея поддерживается и Я.А.Шером: "Сходство настолько велико, что некоторые рисунки кажутся сделанными одной рукой... Следовательно, перемещались люди, носители данного художественного стиля" (Шер, 1980). Ангарская традиция представлена и в самой окуневской петроглифической коллекции, хотя нужно отметить, что она отнюдь не является ведущей в известном на сегодняшний день наборе изображений. Так, известен фрагмент головы лося из могильника Черновая VIII, выполненный в ангарском стиле. Очень интересно пока не опубликованное изображение лося из могильника Верхний Аскиз I, в котором органично совмещаются признаки ангарской и окуневской традиций.

Таким образом, окуневская культура представляется нам многокомпонентным образованием, одна из основных составляющих которого бе-

рет свое начало в неолитической этнокультурной области, локализованной между Енисеем и Байкалом (возможна и более широкая локализация, особенно в восточном направлении). Материалы вновь открытых памятников Уйбат III/1, Уйбат V/1 дают редкую возможность наблюдать процесс становления керамического, изобразительного, погребального комплексов и проследить дальнейшую логику развития окуневского культурного феномена.

Вл. А. Семенов

Несколько слов об окуневской и "чаа-хольской" культуре в Туве.

Многолетние исследования, проводимые на стоянке Тоора-Даш (1978-84 гг.), и затем раскопки стоянок Азас I и II в Тодже (1989-91 гг.) дали богатейший материал, позволивший выделить культурные слои с керамическими комплексами, наиболее близкими по своим особенностям к памятникам окуневской культуры Минусинской котловины. Результаты этих исследований неоднократно обсуждались на различных конференциях и были опубликованы в печати (Семенов Вл., 1982; 1983; 1984; 1988; 1989; 1992; и др.).

Четкая стратиграфия стоянки Тоора-Даш позволила выделить два этапа окуневской культуры в Туве. На первом - раннем этапе здесь прослеживались определенные связи с афанасьевской и местной неолитической культурой, тогда как на втором этапе наблюдались более обширные контакты с различными культурами эпохи бронзы на Саяно-Алтайском нагорье. И для первого, и для второго этапов были восстановлены формы глиняных сосудов, исследованы закономерности их декора, учтены особенности керамического производства. Большой интерес представляли ритуальные каменные сооружения в виде круглых и прямоугольных оградок, а также захоронения костей и черепов домашних животных, имеющие аналоги в окуневской культуре Минусинской котловины (Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980). Также на стоянке Тоора-Даш были раскопаны остатки жилища окуневского времени, а на Азасе II очень архаичная каменная выкладка, под которой оказалась погребенная женщина с афанасьевским антропологическим типом (по оп-

ределению И.И.Гохмана). Как известно, в погребениях на могильнике Аймырлыг в группах XIII и XXVII были похоронены люди, также имеющие афанасьевский антропологический тип (Гохман, 1980). Керамика из погребений на могильнике Аймырлыг имела ряд общих черт с керамикой из седьмого слоя Тоора-Даша.

К сожалению, исследователи могильника Аймырлыг - А.М.Мандельштам и Э.У.Стамбульник - не опубликовали окуневские погребения в печати. Полученные при раскопках материалы не попали даже в полевые отчеты. Тем не менее А.М.Мандельштам дал суммарную характеристику погребений и материалов, полученных при раскопках и охарактеризовал их как "по основным чертам чрезвычайно близких к типичным для окуневской культуры Минусинской котловины" (Мандельштам, 1983). Здесь же, ссылаясь на керамику из шестого и седьмого слоев на стоянке Тоора-Даш, А.М.Мандельштам писал: "Сравнительно широкое распространение культуры окуневского типа в Туве теперь может считаться установленным фактом и есть основания полагать, что она сыграла значительную роль в истории этого края". То, что А.М.Мандельштам называл культурой "окуневского типа" (или близкой окуневской культуре), я называю тувинским вариантом окуневской культуры. Никаких расхождений здесь нет, как нет и безусловно полной 100% идентичности между тувинскими и минусинскими погребениями. Основным отличием является то, что в Туве хоронили в каменных ящиках без курганов, а в Минусе в тех же ящиках, но обнесенных оградой и закрытых сверху невысокой насыпью.

Все это хорошо известно и не стоило бы упоминания, если бы тувинский вариант окуневской культуры не был переименован в чаа-хольскую культуру сейминского времени (Бобров, 1992; 1994). Подобное переименование культуры, называемой окуневской, я считаю неоправданным¹. Не стоит далее запутывать понятийный аппарат тувинской археологии. Довольно того, что его запутали наши предшественники, работавшие в Туве и создавшие несколько "параллельных" культур скифского времени.

¹ На наш взгляд, имеющихся материалов недостаточно для обоснования той или иной дефиниции. Лучше пока говорить об отдельных памятниках окуневского типа, известных в Туве - Ред.

Генезис культуры окуневского типа в Туве в настоящее время изучен достаточно полно. Ранний этап ее складывается в процессе взаимодействия носителей афанасьевской культуры с местным неолитическим населением. Это население, оставившее нам памятники верхнеенисейской культуры, обитало как в верховьях Енисея в Туве, так и на выходе Саянского каньона в Минусинские степи. Здесь известны стоянки Соболиный бычок, Сосновка-Джойская, Усть-Кантегир с материалами, аналогичными слоям 1-3 Тоора-Даша (Семенов, 1986). Рядом с Сосновкой-Джойской, Усть-Кантегиром и на р. Джой находились писаницы, часть персонажей которых безусловно входила в круг окуневского искусства, а некоторые вполне могли быть оставлены неолитическим населением, тем более, что в культурных слоях стоянок были найдены кусочки гематита - широко распространенного в первобытности красителя.

В дальнейшем в таяжских и горных районах Западного Саяна сохранялась лесная неолитическая специфика, что наложило свой отпечаток на облик всей свиты культур в этом регионе. На втором этапе при более широком распространении изделий из бронзы и скотоводства наблюдаются разносторонние контакты окуневского населения как Тувы, так и Минусинской котловины с соседними и удаленными территориями. Характер этих взаимодействий не вполне ясен, но, наряду со среднеазнатским и восточно-туркестанским направлениями, следует тщательно изучить и юго-восточные контакты, так как во Внутренней Монголии в горах Инь-Шань мы наблюдаем культуры, типологически сходные с окуневской.

Н.В.Леонтьев
(Минусинск)

Два окуневских кургана долины реки Уйбат.

В 1966, 1968 гг. на правом берегу р. Уйбат при содействии Г.А.Максименкова были раскопаны два окуневских кургана. Первый - в 2 км к ЮЗ от ж.д. станции Уйбат (далее У-1), второй - в устье ручья Тибик (УТ). Подобно известному кургану Тас-Хазаа, оба кургана располагались одиночно и имели прямоугольные ограды, сложенные из валунообразных обломков скальных пород, но размеры оград гораздо меньше: У-1 -

22x20м, УТ - 12,2x11м. В кургане УТ внутренняя сторона ограды была окаймлена ровиком.

В кургане У-1 было 7 могил (5 взрослых, 2 детских), в УТ - четыре (2 взрослых, 2 детских). В обоих курганах одна из больших могил располагалась в центре ограды. Две детские могилы У-1 представляли собой катакомбы, вход в камеру которых был закрыт: в мог. 7 - плитой, а в мог. 1 - каменной глыбой. Остальные могилы - грунтовые ямы, перекрытые бревнами либо плитами (У-1, мог. 6), поверх которых была выкладка из камня, ко времени раскопок полностью разрушенные.

В могиле 2 кургана У-1 обнаружены кости трех погребенных при частично сохранившемся *in situ* одном скелете, лежавшем на спине. Другие могилы содержали одиночные захоронения. В могиле 6 У-1 погребенная была положена на правом боку, скорченно, головой на ЮЗЗ. В двух других могилах У-1 потревоженные погребения взрослых: в мог. 5 в положении на спине, в мог. 3 ничком с подогнутыми ногами. Они были ориентированы головами в западном направлении. В других могилах содержались лишь разрозненные кости, но, судя по ориентировке могил, и в них погребенные могли лежать головами к западу.

Инвентарь погребений незначителен. Сосуды и их обломки встречены только в четырех могилах. В кургане У-1 два баночных сосуда, один (мог. 2) украшен горизонтальными рядами зерновидных вдавлений, другой (мог. 7) девятью вертикальными линиями с развилками на верхних концах и овальными вдавлениями. У обоих орнаментировано дно, и тулово окрашено охрой. Третий сосуд, найденный на борту могилы 3, митровидной формы, украшен косыми рядами двухзубчатого штампа "жемчужинами". В центральной могиле УТ найдены обломки баночного сосуда, украшенного горизонтальными линиями мелкозубчатого штампа.

Изделия из металла встречены только в двух могилах. В погребении женщины (У-1, мог. 6) находился трубчатый игольник с обломком медной иглы, и в могиле 4 кургана УТ - обломок медной пластинки, возможно, ножа.

Гораздо богаче представлены украшения, сохранившиеся в женских и детских погребениях. В могиле 6 кургана У-1 - 4 подвески из резцов сурка и мелкие каменные бусы. В погребении младенца (У-1, мог. 7) - костяная пластинчатая нашавка трапециевидной формы, просверленный мраморный шарик и 6 подвесок из клыков марала. В центральной

могиле кургана УТ - разнообразные подвески из костей животных: 4 из нижних челюстей соболя, 2 из резцов сурка, 9 из клыков марала, 1 из резца лося, 11 из грифельных костей косули, 10 из нижних частей цевок уток или рябчиков. Там же 13 каменных бусин.

На борту этой могилы лежали 4 каменных дисковидных терочника, подобные найденным в Тас-Хазе. Это единственные орудия труда, встреченные в курганах.

По особенностям конструкций оград и могил, положению двух погребенных на правом боку и ничком, по присутствию в составе инвентаря терочников, челюстей соболя, резцов сурка, по формам и орнаментации части посуды рассматриваемые уйбатские курганы находят наиболее близкие аналогии в Тас-Хазе. Одной из ярких особенностей этого памятника является сочетание посуды афанасьевского и окуневского типов. В погребениях У-1 и УТ афанасьевская керамика не встречена, но в развале надмогильных сооружений и в ровике кургана УТ были найдены обломки небольшого сосуда яйцевидной формы на поддоне, по форме и орнаментации находящего аналогии среди афанасьевской керамики. Сосуд, очевидно, был выброшен из могилы при ограблении. В ровике кроме того был найден обломок курильницы и несколько фрагментов сосуда с характерными афанасьевскими "расчесами".

Все известные окуневские погребальные памятники подразделяются на три категории: 1) Одиночные могилы (в том числе впускные в афанасьевские ограды); 2) Одиночные курганы; 3) Могильники, состоящие из разного количества оград. Все три категории памятников представлены и на Уйбате (помимо исследованных, автору известно еще 3 одиночных окуневских кургана). Чем это было обусловлено - сказать трудно, тем более, что в каждой категории есть памятники как будто более ранние и относительно более поздние.

А. И. Готлиб
(Абакан)

Сооружение-све эпохи ранней бронзы на горе Устанах (к вопросу о возникновении и интерпретации памятников-све в Хакасии).

Согласно установившейся традиции горные укрепления-све Минусинской котловины большинством исследователей интерпретировались однозначно как объекты средневековой фортификации, иногда без достаточных на то оснований (Клеменц, 1886; Кузнецов-Красноярский, 1889; Кызласов Л., 1959; Кызласов И., 1981).

В связи с отсутствием выраженного культурного слоя на территории многих "све" научные построения о функциональном назначении и времени возникновения горных сооружений типа "све" строились в основном на визуальном изучении памятников. Появившиеся в середине 80-х годов сведения о возможном существовании оборонительных горных укреплений еще в эпоху бронзы на территории Южной Сибири вызвали значительный научный интерес. Археологом Минусинского музея Н.В.Леонтьевым было открыто "све" на горе Шишка у дер. Быстрые, вблизи г. Минусинска, датированное исследователем окуневским временем на основании материалов полевых сборов без проведения раскопок.

Неожиданное подтверждение гипотезы Н.В.Леонтьева о появлении горных сооружений-све в эпоху раннего бронзового века дали результаты раскопок крепости Устанах на вершине одноименной горы в таежной зоне Усть-Абаканского района Хакасии. Памятник впервые обследовался еще в конце XIX века И.С.Боголюбским и Д.А.Клеменцем, которые трактовали его как временное оборонительное сооружение (убежище) эпохи позднего средневековья. Особенно отмечено отсутствие культурного слоя на памятнике (Боголюбский, 1890; Клеменц, 1886).

С 1991 года изучение этого интересного объекта начато автором настоящего сообщения совместно с сотрудниками археологической лаборатории Абаканского пединститута. Гора Устанах является господствующей вершиной горной системы речной долины Немира. Вершина горы

представляет собой массивный выход скальника, образующий отвесный утес высотой не менее 10 метров, подходы к которому почти со всех сторон защищены крепостной стеной.

Самый большой участок первой линии каменных стен длиной до 70 метров огораживает небольшую площадку вокруг утеса в северной и северо-восточной части укрепления. Местами высота стены с внешней стороны до 2,2м, ширина стены до 2,4м. Общие размеры площадки вместе со скалистым останком вершины горы: С-Ю - 105м, З-В - 50-70м. Раскопки производились в северо-восточной части памятника на уплотненной площадке, вплотную примыгающей к стене укрепления. За два года общая площадь раскопа составила 70 кв.м. На территории объекта выявлен хорошо выраженный культурный слой, насыщенный многочисленными фрагментами керамики, кальцинированными костями, древесными угольками, обломками костей животных. Находки идут сразу под гумусированным дерновым слоем. Мощность культурного слоя - 0,1-0,2м. В северо-восточной части раскопа недалеко от стены обнаружена каменная конструкция предположительно искусственного происхождения не совсем правильной квадратной формы, размерами 4,1x4,2м. Сохранилось только основание этой конструкции, сложенной из камней в один слой. Большая часть конструкции свободна от камней. Внутри сооружения найдены фрагменты керамики, обломки костей животных, фрагменты обуглявшихся деревянных плах.

Керамический материал достаточно выразителен и позволяет говорить о посещении горы начиная с афанасьевского и окуневского времени. Собрана коллекция керамики - 576 фрагментов стенок и венчиков. Большая часть керамического материала относится к каменноложскому этапу карасукской культуры (89,6%), 105 фрагментов стенок и венчиков орнаментированы. Из этого числа афанасьевская керамика составляет 27,6% (29 экземпляров), окуневская - 21,9% (23 экземпляра). Среди всей керамики не найдено ни одного средневекового фрагмента. Афанасьевская керамика представлена обломками не менее чем от трех сосудов. Фрагменты керамики крупных размеров с четкими сколами. Керамика орнаментирована оттисками гладкого и зубчатого штампа, иногда образующими "елочный" орнамент. Окуневская керамика это, как правило, небольшие фрагменты со сглаженными сколами, что возможно свидетельствует о длительном прямом воздействии природных условий. Кера-

ника орнаментирована гребенчатым штампом, образующим горизонтальные или наклонные линии, иногда перекрещивающиеся между собой.

Анализ материалов раскопок позволяет говорить о том, что в эпоху ранней бронзы пребывание человека на территории памятника, скорее всего, носило эпизодический характер. Возможно, что после посещения окуневцами вершины горы прошло много времени до того, как это место стало обитаемо в карасукскую эпоху.

На сегодняшний день открытие ярко выраженного культурного слоя эпохи бронзы на территории горной "све" в Хакасско-Минусинской котловине - это первый случай в истории изучения памятников этого типа в Южной Сибири.

Один из сложнейших вопросов в осмыслении данного памятника - это проблема, связанная с функциональным назначением объекта и первоначальной датой строительства каменных стен сооружения. На современном этапе изучения памятника возможно говорить о предположительном существовании укрепления по крайней мере уже в карасукскую эпоху (крупные скопления керамики от четырех каменоложских сосудов найдены под осыпавшимися камнями кладки с внутренней стороны стены укрепления). О более ранней дате появления мощных стен Устанахского сооружения-све пока говорить достаточно сложно, несмотря на то, что вершина горы посещалась неоднократно людьми в период ранней бронзы и здесь найдены очевидные следы их пребывания.

Анализ топографических особенностей памятника, характер культурного слоя, отсутствие постоянных источников воды на вершине горы дают повод сомневаться в однозначной трактовке сооружения как только долговременного поселения или крепости, по крайней мере на первоначальном этапе сооружения памятника.

В связи с этим представляется плодотворной идея восприятия в некоторых случаях отдельных горных сооружений-све, известных в том числе и в Восточной Сибири, как ритуально-культурных святилищ, свидетельствующих о проявлении культа гор (Харинский, 1991). Развитый культ гор в традиционном мировоззрении тюркских народов Саяно-Алтая занимает чрезвычайно важное место и его истоки, видимо, имеют древние корни (Львова, Октябрьская, Сагалаев, Усманова, 1988). Тюрки Южной Сибири интерпретировали горные вершины как вертикальный

объект, ось мироздания, где располагается жилище богов, и этот образ непосредственно связан с трехуровневой моделью Вселенной (Окладникова, 1990). Согласно этой модели, вершины гор являлись "связующим звеном между землей и небожителями" (Харинский, 1991). Отсюда в этнографическое время происходит оформление культового места в горах и на перевалах в виде своеобразных алтарей-"обо" (Вайнштейн, 1991)

Возможно, что в случае с сооружением-све на г. Устанах мы сталкиваемся как раз с таким явлением (культовым святилищем) еще в эпоху бронзового века, что возможно не исключало использование впоследствии памятника как оборонительного укрепления. Необходимость сакрализации вершины горы воплощалась в оформлении части ее пространства каменными стенами, имеющими при этом, вероятно, культовое назначение. Скальный выход вершины Устанаха, представляющий собой величественный, причудливой формы утес, и является семантически наиболее существенной частью комплекса.

Обращает на себя внимание то, что в материалах раскопок "све" на горе Устанах, также как и при изучении погребальных памятников ранней бронзы Минусинской котловины, вероятно, не случайно сосуществование афанасьевского и окуневского культурных пластов, что возможно отражает общую этно-культурную ситуацию того времени в этом регионе.

Н. А. Бокоренко

Новые петроглифы личин окуневского типа в Центральной Азии.

Антропоморфные сюжеты являются типичным элементом искусства окуневской культуры. Они представлены не только многообразной монументальной скульптурой, но и мелкой пластикой и многочисленными петроглифическими комплексами, что позволяет считать их наиболее важными в системе миропонимания этого периода

Одним из ярких сюжетов для этой эпохи являются изображения личин, которые, видимо, отражают сложные религиозные представления племен Центральной Азии в эпоху ранней бронзы. Поэтому каждый но-

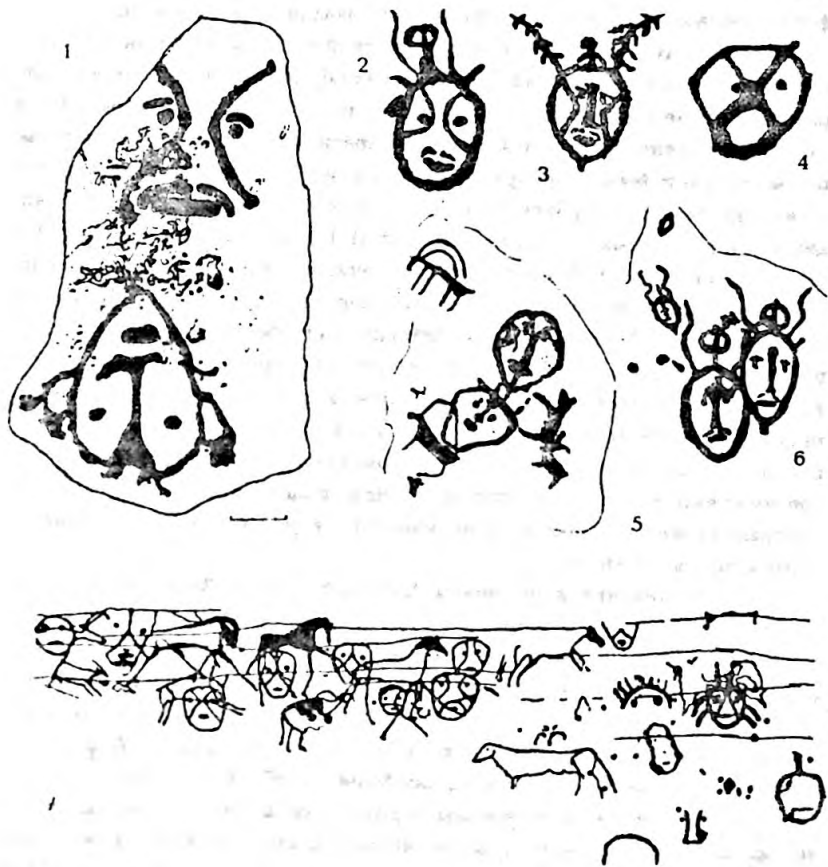

Рис. 1. Плита с изображениями из Усинской долины и аналогии:

1 - Усть-Федоровка, Усинская долина Западного Саяна; 2-3, 6 - Мугур-Саргол, Тува; 4 - Чилас, Верхняя Инда, Пакистан; 5 - Чинсе, Тува; 7 - "Пьяный камень", Бельгирь, Закасия

вый памятник этого типа позволяет уточнить определенные аспекты формирования религиозных образов, их локальное своеобразие.

В 1984 году Сибирской археологической экспедицией Санкт-Петербургского университета (нач. А.В.Виноградов)¹ совместно с Усинским отрядом Средне-Енисейской экспедиции проводились исследования в Усинской долине Западного Саяна (юг Красноярского края), где в устье р. Федоровки была обнаружена плита с изображениями двух личин. Плита из красного девонского песчаника собрана из трех кусков, найденных в разлячных местах пашни (Рис. I). Размеры плиты 30х50см, толщина 6-10см. На одной из сторон в точечной технике выбиты два изображения человеческого лица, расположенные по принципу полюсной (противостоящей) симметрии. Выбивка неглубокая, среднеточечная, плотная. Одно из изображений имеет ясно различимые усы и две вертикальные дуги, отделяющие глаза. Другое изображение — без усов, но прослеживаются какие-то украшения ушей и на голове, что позволяет предположить об изображении на этом камне противостоящих образов мужчины и женщины. Грубая точечная более поздняя выбивка, конкретный сюжет которой не улавливается, скорее всего, является наменной забивкой личин.

Другой памятник в местности Хурчак-Хол (Юго-Западная Хакасия) обнаружен в 1994 году и представляет большую отвесную скалу, на которой выбита личина, а вокруг изображены 8 охристых крестов (Рис. II). Сохранность комплекса плохая, так как неглубокая выбивка сделана на слонстом христом песчанике, охристые кресты практически заматы дождями. Также слабо прослеживаются лучи-волосы на голове. Достаточно четки лишь овал лица, глаза и, особенно, глубоко выбитый рот (для кормления). Кресты расположены вокруг личины, по 4 с каждой стороны, и, видимо, являются продолжением традиции изображения солярных символов вокруг личин на более ранних скульптурных изваяниях окуневской эпохи.

Эти рисунки имеют достаточно четкие аналогии среди широко известных изображений Мугур-Саргола и Чинге в Туве (Дзвлет, 1976), личин "Пьяного камня" в Хакасии (Леонтьев, 1970), и вплоть до изобра-

¹ Пользуюсь случаем поблагодарить А.В.Виноградова за предоставленный материал для публикации.

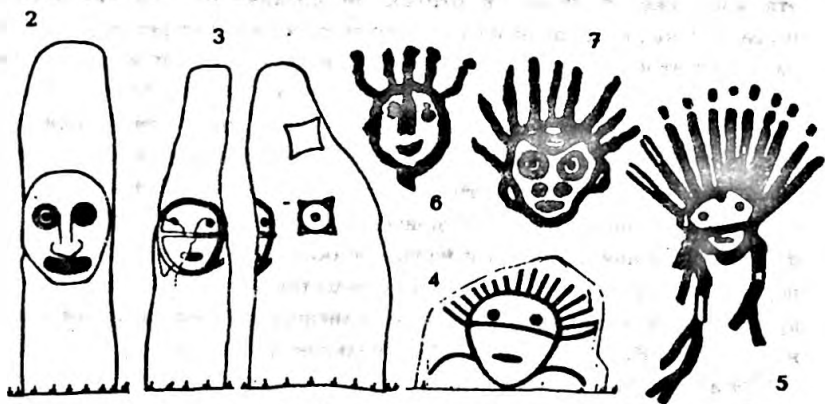
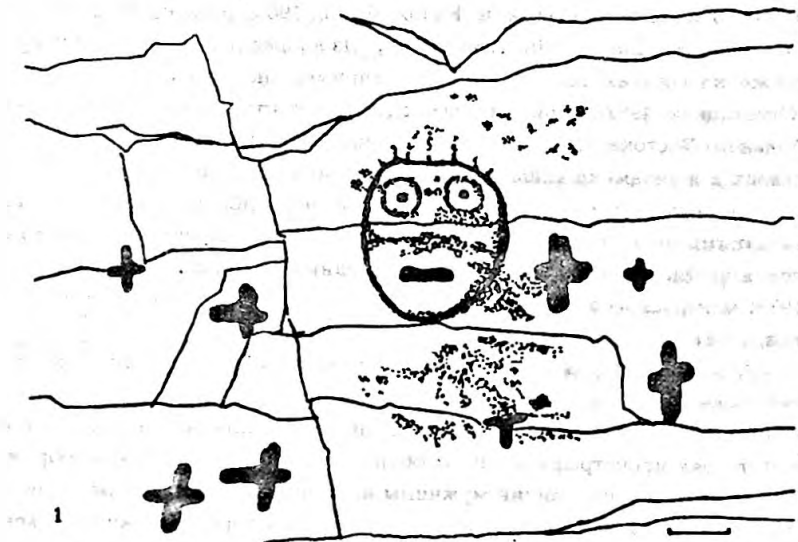

Рис. П. Изображение на скале Хурчак-Хол и аналоги:

1 - Хурчак-Хол, юго-западная Хакасия; 2 - Чарков, р. Уйбат, Хакасия; 3 - р. Тея, южная Хакасия; 4 - р. Ерба, Хакасия; 5 - Кантегир I, Енисей; 6 - Мугур-Саргол, Тува; 7 - Нижний Амур.

жений Пакистана, Индии и Китая (Dani, 1983; Iettmar, 1982; Iettmar, Thewalt, 1985; Gai Shanlin, 1986; и др.). Изображения личин встречаются также на сосудах ранней бронзы, например, на поселении Самусь IV (Студзицкая, 1987) и, видимо, восходят к неолитическим изображениям Дальнего Востока (Вознесеновка, Сакачи-Алян, Шереметьевское), где на скалах и в керамике яншао представлены аналогичные образы.

Семантика личин достаточно сложна, но наиболее убедительно выглядят гипотезы, трактующие их как отражение шаманистических культов, в частности, изображение раскрашенных масок шаманов (Леонтьев, 1978) или раскрасок на лице усопших священнослужителей (Максименков, 1968).

М.А.Дзвлет продемонстрировала широкий круг аналогий по маскам сибирских шаманов и ламайского культа цам, которые до деталей совпадают с петроглифами личин окуневского типа, что позволяет объяснить ряд иконографических особенностей последних. Так, изображения противостоящих личин мужчины и женщины сопоставимы с известным сюжетом японского и корейского мифов о переправе мужа и жены на камне через водную преграду (Бродянский, 1987). Не исключено, что эти изображения являются отголоском архаичного древнекитайского мифа о Пань-гу, где один из возможных способов дифференциации образа состоит в делении на мужскую и женскую ипостаси, воплощающие в себе полярные качества мира (Евсюков, 1985).

Отдельно выбитые личины на скалах и статуи в степи до сих пор местным населением воспринимаются, как хранители-духи природы (гор, вод, неба, какой-то местности), что позволяет уводить этот культ и в окуневскую эпоху. По этнографическим материалам широко известны факты кормления изваяний и изображений при совершении различных церемоний (Вадецкая, 1980), что свидетельствует о психологическом восприятии древних образов в системе религиозных представлений коренных народов Южной Сибири и Центральной Азии.

Эта традиция изображать личины прослеживается в искусстве мелкой пластики эпохи поздней бронзы, например, на гальках карасукского поселения Торгажак (Савинов, 1994), и доживает до скифской эпохи. Так, на одном из камней ограды тагарского кургана могильника Георгиевская 1 (район с. Тесь Минусинского района) автором зафиксировано изображение сцены охоты, рядом с которым в аналогичной технике вы-

бита личина упрощенного типа, предельно схематичная. Характер расположения и техника выбивки позволяют эти изображения относить к эпохе сооружения кургана.

Связь окуневской культуры со скифской прослеживается по ряду памятников изобразительного искусства (Подольский М., 1987; Sher, 1992), и это наблюдение лишь дополняет аргументацию в пользу данной точки зрения.

Таким образом, приведенный материал позволяет отчасти выводить личины Центральной Азии - как явление - из неолитических культур Дальнего Востока и Китая, усматривая в них проявление неких протошаманистических и ламаистских культов в мифо-эпических традиций. Этот изобразительный сюжет в разных ипостасях фиксируется в культурах эпохи бронзы и сохраняется вплоть до раннего средневековья.

М. А. Дэвлет
(Москва)

Об изображениях окуневских антропоморфных личин.

Личины-маски в репертуаре наскального искусства древнего населения Северной и Центральной Азии, как и многих регионов мира, получили широкое распространение. Появление данного сюжета, как и реальных прототипов масок, использовавшихся в культовой практике, было в определенной мере обусловлено общими закономерностями социального и духовного развития древних обществ, стадийными по своей сути. Характерно, что для ритуальных масок из различных регионов, свойственен фантастический, нередко устрашающий облик. На Среднем Енисее в эпоху энеолита окуневские личины - одно из наиболее ярких и самобытных явлений. Их изображения на скалах при несомненных параллелях с личинами каменных изваяний, на плитах, использовавшихся в качестве строительного материала при возведении погребальных сооружений, и на предметах могильного инвентаря все же имеют существенные различия, которые наблюдаются также и между личинами, нарисованными охрой и выбитыми на скалах.

В наскальном искусстве Северной и Центральной Азии удастся проследить закономерности в локализации определенных типов личин, хотя

и не тождественных, однако наделенных характерными особенностями. Некоторые из окуневских петроглифов находят параллели среди антропоморфных личин на местонахождениях наскальных рисунков, удаленных друг от друга на тысячи километров.

Изображения личин с сердцевидным абрисом встречаются на памятниках, протянувшихся полосой в широтном направлении от Урала до Нижнего Амура. Если справедлива предложенная В.Т.Петряным датировка палеолитическим временем личины из Игнатьевской пещеры на Южном Урале, нарисованной черным красителем, то это самое древнее из подобных изображений, стоящее особняком от прочих. На Урале известны выполненные охрой сердцевидные личины Писаного камня р. Вишеры. Н.В.Леонтьев обратил внимание на близкое соответствие трехзубчатого воротничка одной из вишерских личин и подобных деталей окуневских антропоморфных изображений. На Томской писанице выбита сердцевидная личина, обнаруживающая сходство с окуневскими благодаря наличию поперечной полосы, проходящей выше линии рта. Далее к востоку сердцевидные личины были открыты у Долгого порога ниже д. Дубининой на Ангаре. Крайний восточный пункт - Сахачи-Алян на Нижнем Амуре.

Другой вариант представляют личины мутур-саргольского типа. Это не собственно окуневские, а изображения окуневского типа. Сходство наблюдается с выбитыми на скалах петроглифами, такими как "Пьяный камень", гора Тешей. В целом, мутур-саргольские изображения датируются более поздним временем, чем окуневские, хотя на определенном этапе они сосуществовали, что в свете новых, еще не опубликованных, данных не вызывает сомнений. О том, что маски и головные уборы мутур-саргольского типа использовались во время церемоний и в позднем бронзовом веке, можно судить на основании изображения "ряженого", представленного на "камне с колесницами" на левобережье р. Чинге. Помимо памятников в Саянском каньоне, личины-маски мутур-саргольского типа в Туве встречены еще в двух пунктах, один из которых - скалы Бижекитиг-Хая близ пос. Кызыл-Мажалык на Хемчике.

Личины мутур-саргольского типа за пределами бассейна Верхнего и Среднего Енисея встречаются на еще более обширной по протяженности в широтном направлении территории, чем сердцевидные, от Гегамских гор в Армении до Дальнего Востока. Сходные изображения извест-

ны в верховьях р. Инд и во Внутренней Монголии, где, впрочем, имеются и отдельные экземпляры сердцевидных личин. Условная линия находок изображений сердцевидных личин проходит севернее собственно окуневского ареала, а мугур-саргольская южнее, обе они смыкаются на Нижнем Амуре. У тех и других личин акцентирована теменная часть - в одном случае заглублена, в другом, напротив, обозначена "аутенной". В теменном отверстии, согласно представлениям древних, была сосредоточена жизненная сила, существовало и представление о магическом трюсе, связывающем человека и небесную субстанцию.

Джойская группа окуневских писаниц наиболее характерна для местного развития и пока не имеет прямых аналогов за пределами окуневского ареала. "Иконостасы" с писаницами джойского типа тяготеют к горно-таежной зоне. Сами личины, выполненные охрой, лишены обрамляющего контура, у большинства из них между овалами глаз и ртом проведены поперечные полосы, имеющие вильчатое окончание. Высказывалось мнение, что своеобразие личин джойского типа по сравнению с изображениями степных районов распространения окуневской культуры связано с их хронологическими или локальными различиями. Возможна и другая трактовка, связанная с семантическим аспектом подхода к памятникам. Если окуневские личины могли изображать духов-предков или божества, то парциальные, лишенные абриса личины джойского типа, многочисленные и относительно однообразные, могли передавать ритуальную раскраску лиц участников ритуального действия. Возможно, что именно с этим обстоятельством связано то, что изображения данного типа наносились на скалы краской, а не выбивались. Перед "иконостасами", которые могли играть роль своеобразных "учебных пособий", закрепляя и передавая последующим поколениям правила ритуальной раскраски, могли происходить коллективные моления, совершаться обряды посвящения. При этом "иконостас" отражал иерархию в мире духов и божеств: чем сложнее раскраска, служившая своего рода маркером, чем больше полос на лице, тем, очевидно, был выше их ранг.

С. В. Студзницкая
(Москва)

Тема космической охоты и образ фантастического зверя в изобразительных памятниках окуневской культуры.

Среди культур сейминской эпохи (XVIII-XV вв. до н.э.) окуневская культура занимает особое место, благодаря уникально сохранившимся памятникам искусства, отличающихся богатством форм и мифологичностью содержания. Выделенная в начале 60-х годов Г.А.Максименковым, окуневская культура постоянно находится в центре внимания исследователей сибирской первобытности. В последние годы, благодаря масштабным открытиям новых памятников и успехам в изучении наскальных рисунков, интерес к проблемам окуневской культуры значительно возрос. Особое значение приобретают вопросы происхождения и хронологии данной культуры. Все большее признание получает точка зрения ряда исследователей о том, что окуневская культура сформировалась на местной основе, но при значительном участии мигрантов из Передней Азии. Действительно, окуневецки создали целую галерею тотемно-космогонических образов, значительная часть которых обусловлена влиянием древневосточных мотивов (Хлобыстина, 1978). В этой связи особое значение приобретает выявление и определение роли местных компонентов в сложении окуневской изобразительной традиции. Наиболее перспективным в этом направлении может быть анализ изображений фантастического зверя и связанной с ним темы космической охоты.

Сюжет космической охоты принадлежит к одному из древнейших пластов мифологии, суть которого сводится к преследованию одной стихии другой, олицетворенной в образах животных. На большом этнографическом и фольклорном материале А.П.Окладников обосновал распространение данного сюжета в искусстве лесных племен уже в эпоху неолита. Противоборство двух начал, света и тьмы, ассоциировались в их творчестве с образами лося и медведя. Свообразным отражением этих традиционных представлений в искусстве окуневцев можно считать композицию, представленную на уникальной костяной пластинке из мо-

гильника "Стрелка" (Савинов, 1978). Центральные персонажи анималистического искусства лесных племен (лось и медведь) выступают здесь в неразрывном единстве и с предельной выразительностью, в конкретно-образной форме, "оживляют" миф о космической погоне. Впечатление погони усиливается благодаря расположению фигур по кругу: у лося напряженная шея подчеркнута вытянута вперед, а у медведя, мчащегося за лосем, голова слегка опущена вниз.

Однако, основная идея "вечной погони" в творчестве окуневцев наиболее ярко выражена в образе фантастического медведеподобного хищника, преследующего солнце (Вадецкая, 1964; 1980; Леонтьев, 1978; Пяткин, Мартынов, 1985). Обобщенный образ фантастического зверя с оскаленной пастью, высунутым языком и торчащими зубами занимает одно из центральных мест в окуневском изобразительном искусстве. Распространен он был чрезвычайно широко и представлен многообразным форм: известны его скульптурные изображения; составной частью этот сюжет входит в общую композицию некоторых изваяний; рисунки хищника выгравированы на плитах, найденных в погребениях, и выбиты на скалах.

При всем многообразии изображений этого персонажа, в основу его положен образ "реального" медведя, который наделяется чертами, призванными оттенить именно его хищное начало. Скрытизм образа подчеркнут сочетанием, казалось бы, несочетающихся черт (медвежья морда, поджарое волчье туловище, лапы хищной птицы), и в этом - одна из особенностей изобразительного искусства бронзового века, для которого наиболее характерно было усложнение образной символики. В моделировке образа фантастического зверя отчетливо прослеживается неолитическая изобразительная традиция, которая органически вписывается в окуневскую традицию: сам образ фантастичен, но трактовка деталей реалистична. Особенно это проявляется в оформлении медвежьей головы. Примером тому - известное изображение фантастического хищника на одной из плит могильника Черновая VII, которое "впитало" в себя максимальное количество признаков, характеризующих в целом окуневского фантастического хищника: в передаче морды зверя использованы художественные приемы, подчеркивающие видовые особенности именно медведя; на крупе - косой крест, подчеркивающий космическую окраску образа.

Устойчивость выработанного канона прослеживается и в рельефных изображениях хищника, которые вместе с изображением антропоморфных личин составляют единую композицию некоторых каменных изваяний (с оз.Шира и оз.Беле). Основная мифологема здесь - борьба светлого и темного начал - выражена с определенной ясностью. Что же касается стилистики самих изображений, то умение окуневских мастеров "сворачивать плоскостное изображение в объем и свободно оперировать отдельными частями скульптуры, превращая их в зрительно плоскостные экспозиции" (Пяткин, 1987), проявилось здесь с наибольшей полнотой. Следует отметить, что этот художественный прием позднее найдет свое продолжение в тагарском искусстве.

Представлен фантастический зверь и в наскальных рисунках, где он выполнен в различной технике (краской, гравировкой, слезотом). Фигуры хищников всегда сопровождаются солярной символикой. Весьма выразительны нарисованные охрой "фантастические" звери в сочетании с астральным знаком в виде пятиконечной звезды или креста на двух Кантегирских писаницах (Леонтьев, 1978). "Апофеозом" в изображении устрашающих черт "фантастического чудовища" является хищник, представленный на плите из могильника Разлив X. Все изображения фантастического зверя, сопровождаемые астральными знаками, четко фиксируют существование у окуневцев популярного мифа о космическом чудовище, которое преследует и пытается проглотить небесные светила. А.Р.Кыласов сопоставляет этот образ с хтоническим божеством древней Месопотамии - Ламасту (Кыласов, 1986). Известно, что сюжету борьбы в древневосточных цивилизациях придавали большое значение и она всегда носила космический характер, яркие примеры чего дает мифология всех народов этого региона (Месопотамия, Иран).

В пластике образ фантастического зверя встречен только единожды - на костяном "жезде" из могилы "шамана" могильника Черновая VIII. Моделирована разинутая клыкастая пасть зверя, из которой торчит голова такого же зверя тоже с разинутой пастью, но без клыков. По мнению Б.Н.Пяткина, здесь представлена не сцена пожирания, а сцена размножения, воспроизводство себе подобного.

Среди персонажей окуневского искусства обращают на себя внимание и антропоморфные существа в масках фантастических хищников. Маски выполнены в полном соответствии с существовавшим канонам в

изображения этого образа. Одно из них представляет собой сидящего человека, другое - шагающего. "Двойная хищность" идущего человека (Сулекская писаница) подчеркивается тем, что и рука его заканчивается аналогичной мордой с торчащими зубами и высунутым длинным языком.

Образ фантастического хищника Н.В.Леонтьев связывает с формирующимся шаманством, и особенно подчеркивает тот факт, что у многих народов Сибири основным помощником шаманов, камлающих в нижний мир, выступает именно медведь. Очевидно, образ медведя положен в основу "фантастического" зверя не случайно. Культ этого зверя "господствовал" в древнем западносибирском искусстве, особенно в памятниках южно-таежной лесостепной полосы. Именно глубинная местная традиция способствовала восприятию и переосмыслению "полнокровных по своей жизненной выразительности древневосточных образов". Происходило смешение традиций и становление новой традиции. Не исключено, что прообразом хищного божества с медвежьей мордой послужили "бегущие" медведи с опущенной головой, открытой пастью и взъерошенной шерстью (типа Карасук II).

Именно медведь в мифологии таежных охотников соответствовал мужской части первобытного коллектива и символизировал активное мужское начало. Его образ тесно связывался с космогонией. В то же время неоднократно подчеркивалась связь образа медведя с нижним миром. Необходимо отметить, что, по мнению В.Н.Топорова, "в архаических культурах семантическая связь того или иного животного с определенными элементами космической модели была столь прочной, что зооморфные мотивы сохранили свое значение даже вне зависимости от их места в пространстве той или иной конкретной изобразительной композиции" (Топоров, 1972). Так, в трактовке образа "фантастического" зверя у окуневцев существовал строгий устойчивый канон, и один из объединяющих его признаков - медведеподобность. Это дает основание утверждать, что данный персонаж возник на базе поздненеолитической традиции, очевидно, в эпоху становления окуневского изобразительного искусства. По мере его дальнейшего осмысления, образ усложняется как по форме, так и по содержанию (Разлив X). Под влиянием пришлого этноса старые каноны не исчезали, а видоизменяясь, продолжали не толь-

ко существовать, но и закрепляться. Эта тенденция хорошо прослеживается по материалам и наскальных рисунков.

Тема космической охоты и фантастический зверь представлены и в искусстве самусьцев. Из комплекса Самусь IV происходит овальная ажурная бляха одностороннего плоского литья с изображением животных (по мнению В.И.Матющенко - волка и лося), объединенных в единой композиции. Представленный на бляхе хищник по ряду иконографических особенностей аналогичен окуневским, хотя стилистически и отличается от них. Анализ изображенных на бляхе фигур позволяет считать, что здесь изображен не волк, а как и у окуневцев, медведеподобный фантастический хищник. Это предположение тем более оправдано, что, во-первых, из этого же комплекса происходит бронзовая фигурка медведя с открытой пастью, стилистически совпадающая с изображением на бляхе; во-вторых, именно медведь является центральным персонажем анималистического искусства самусьцев. Фантастический хищник на бляхе "стоит" на другом животном, которое по некоторым признакам можно трактовать как изображение лося. Вся композиция обрамлена дугой, начало которой сливается с длинным, закинутым вверх, хвостом хищника, а заканчивается на задней части лося. Есть все основания полагать, что данная бляха также представляет собой своеобразную "материализацию" мифа о космической охоте.

То, что образ фантастического хищника вообще характерен для сибирского искусства эпохи бронзы, подтверждают его изображения в наскальных рисунках Прибайкалья. Стилистически они выполнены в иной манере, и трактовка морды не напоминает медвежью, но некоторые признаки, как, например, широко открытая клыкастая пасть у "зверя" на Шишкинской писанице (Окладников, 1959), а также "частокол" из вертикальных отростков, символизирующих вздыбленную шерсть хищников, присущий всем прибайкальским рисункам, сближает их с окуневскими. Устойчивость композиционной схемы, сочетание фантастических зверей с солярными знаками, позволяют говорить о том, что семантически эти изображения соответствуют окуневским и отражают ту же тему космической погони.

Вл. А. Семнов
(Санкт-Петербург)

В. Т. Монгуш
(Кызыл)

Новый памятник окуневского искусства из Тувы.

В 1991 г. в Тувинский Республиканский краеведческий музей поступили два обломка каменного сосуда, декорированного цельновырезанной головой комолого быка (Рис. 1). Обломки сосуда или чаши были найдены на одном из огородов пос. Хадын, расположенного у северных склонов Уюкского хребта. Об обстоятельствах находки ничего не известно.

Чаша была вырезана из темного поделочного камня, широко используемого в Туве вплоть до настоящего времени. Ее диаметр около 18 см, высоту установить невозможно. Толщина стенок 1-1,5 см. Голова быка вырезана в верхней части сосуда, чуть ниже венчика. Скульптура хорошо смоделирована и пропорциональна. Она имеет вид продолговатого выступа длиной 6,5 см и высотой 4,5 см, ширина в фас от уха до уха 4 см. Уши распластаны по поверхности чаши и выполнены невысоким рельефом. В середине ухо имеет продольную насечку. Глаза переданы углублением вокруг чуть выпуклого глазного яблока. Окончание морды овальное, уплощенное, двумя нарезками показаны ноздри, рот - одной дугобразной прорезной линией. Комолость быка подчеркнута выступом на макушке, нижнюю часть изображения охватывают специфические шейные складки.

Находка каменной чаши с ручкой-держалкой в виде головы быка может считаться уникальной для Тувы. Сами же по себе каменные чаши с зооморфными изображениями и без них были ранее обнаружены в погребениях окуневского типа на могильнике Аймырлыг (Мандельштам, 1973). Благодаря этим бесспорным находкам, происходящим из замкнутого комплекса, мы можем датировать окуневским временем и Хадынскую каменную чашу. Следует сказать, что именно вблизи поселка Ха-

дын (примерно в 9 км от него) было раскопано первое окуневское погребение в Туве (Вайнштейн, 1954) с керамикой, близкой найденной в седьмом культурном слое стоянки Тоора-Даш (Семенов, 1992).

Особо стоит отметить характерные черты скульптурного изображения головы быка на чаше из Хадына. Здесь прежде всего обращает на себя внимание уплощенное "свинообразное" рыльце скульптуры и широко раскинутые по сторонам уши. Возможные прототипы этого изображения, вероятно, восходят к культурам земледельческого круга Средней Азии. На городище Алтын-Депе в Южном Туркменистане, в раскопе № 7 в помещении № 7 была найдена золотая головка быка с массивным свинообразным пяточком, растопыренными ушами и переданными углублениями ртом и ноздрями (Массон, 1981). Уплощенный овальный конец морды представлен и у каменной скульптуры быка с Кара-Депе (Энеолит СССР, 1982).

Можно указать на близкие сюжеты и в самой Туве. Это рельефное изображение комолого быка с плиты, найденной на горе Хайыракан в бассейне реки Улаятай (Дзвлет, 1993) и петроглифы со скалы Бижиктиг-Хая в Дзун-Хемчикском районе, где также можно видеть быка с уплощенным окончанием морды и продолговатые листовидные уши с продольным прочерком внутри, характерным и для быка с Хадынской чаши (Дзвлет, 1993). К этому же кругу аналогий можно отнести крупный выполненный контурно петроглиф со скал Бижиктиг-Хая на правом берегу Улут-Хема (Дзвлет, 1990).

Образ быка в целом широко представлен в искусстве бронзового века Южной Сибири. В Минусинской котловине он встречен на целой серии плит из окуневских погребений, на стелах и среди петроглифов. В Туве изображения быка ранее были представлены лишь в наскальном искусстве и не встречены непосредственно в замкнутых комплексах. Однако, в 7 слое Тоора-Даша раскопаны ритуальные захоронения бычьих черепов, что также указывает на важную роль этого персонажа в ритуалах и древней мифологии носителей окуневской культуры Тувы.

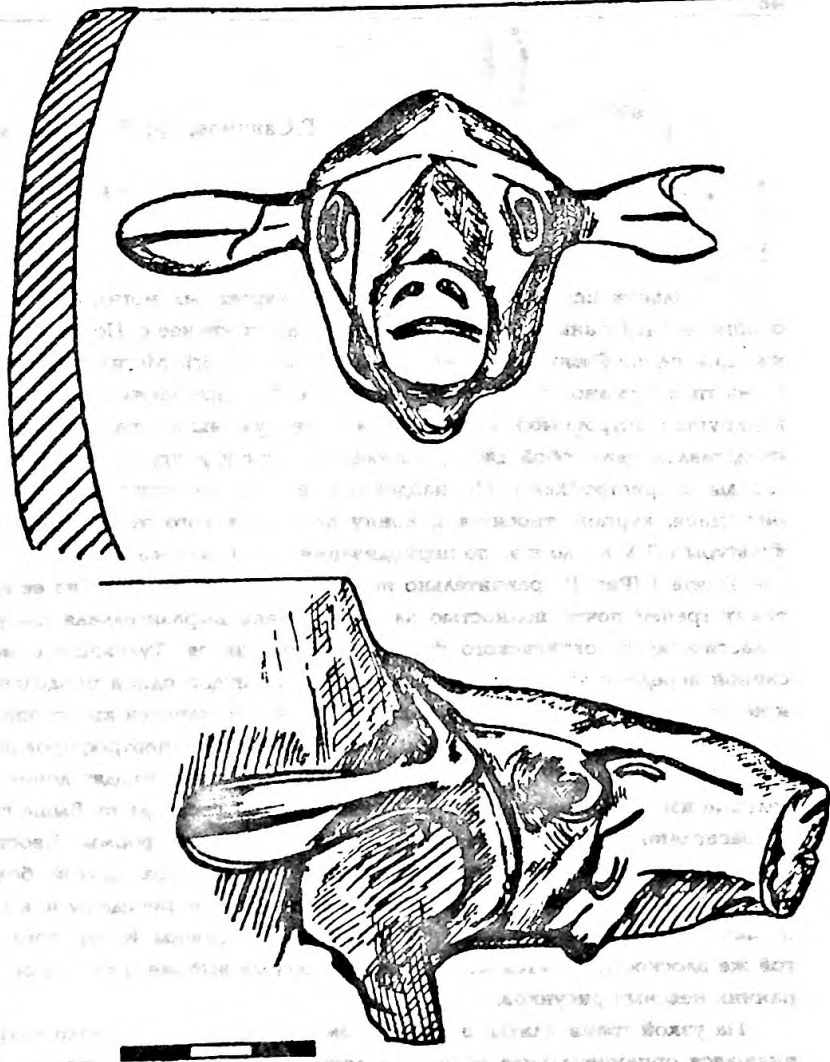

Рис. 1. Каменная чаша с головой быка из пос. Хады.

Д.Г.Савинов, М.Л.Подольский

Две окуневских плиты из ограды тагарского кургана (могильник Есино IX).

Могильник Есино IX входит в группу курганных могильников под общим наименованием "Есино", расположенных южнее с. Полтаков (Аскизский район Республики Хакасия, раскопки 1988г). Могильник состоял из трех курганов. Окуневские плиты - одна с изображением хищника, другая с антропоморфной личиной - обнаружены в ограде кургана 2, представляющего собой две пристроенные друг к другу прямоугольные ограды с пристройками. По найденным предметам сопроводительного инвентаря, курган относится к концу подгорновского этапа тагарской культуры (VI-V вв. до н.э., по периодизации М.П.Грязнова).

Плита 1 (Рис. 1) сравнительно небольшая, 1,25x0,9м. Одну из ее широких граней почти полностью занимает очень выразительная фигура "классического" окуневского фантастического зверя. Туловище с массивной передней частью и узким крупом пересечено одной продольной и несколькими вертикальными линиями. На крупе нанесен крестообразный знак. Голова с оскаленной пастью. Показаны гипертрофированно большие округлые губы (?), от которых вверх и вниз отходят дополнительные изогнутые линии. Глаз круглый, с точкой посередине. Выше глаза располагаются изогнутые рога и ухо листовидной формы. Хвостов изображено два: один длинный, изогнутый, поднят вверх; другой, более короткий, прямой, опущен вниз. Задние ноги прямые, переданы наклонными линиями; передние согнуты. Концы лап раздвоены. Кроме того, на той же плоскости имеется много дополнительных выбоин и следов более ранних неясных рисунков.

На узкой грани плиты, перед зверем, прослеживается плохо сохранившаяся орнаментальная волнистая лента с боковыми отростками. На окуневских изваяниях подобные ленты, поднимающиеся от середины лба личины, встречаются часто. И здесь в нижней части камня была выбита личина. Ее ось симметрии должна была располагаться на той же узкой грани, но целиком личина не могла там поместиться (толщина

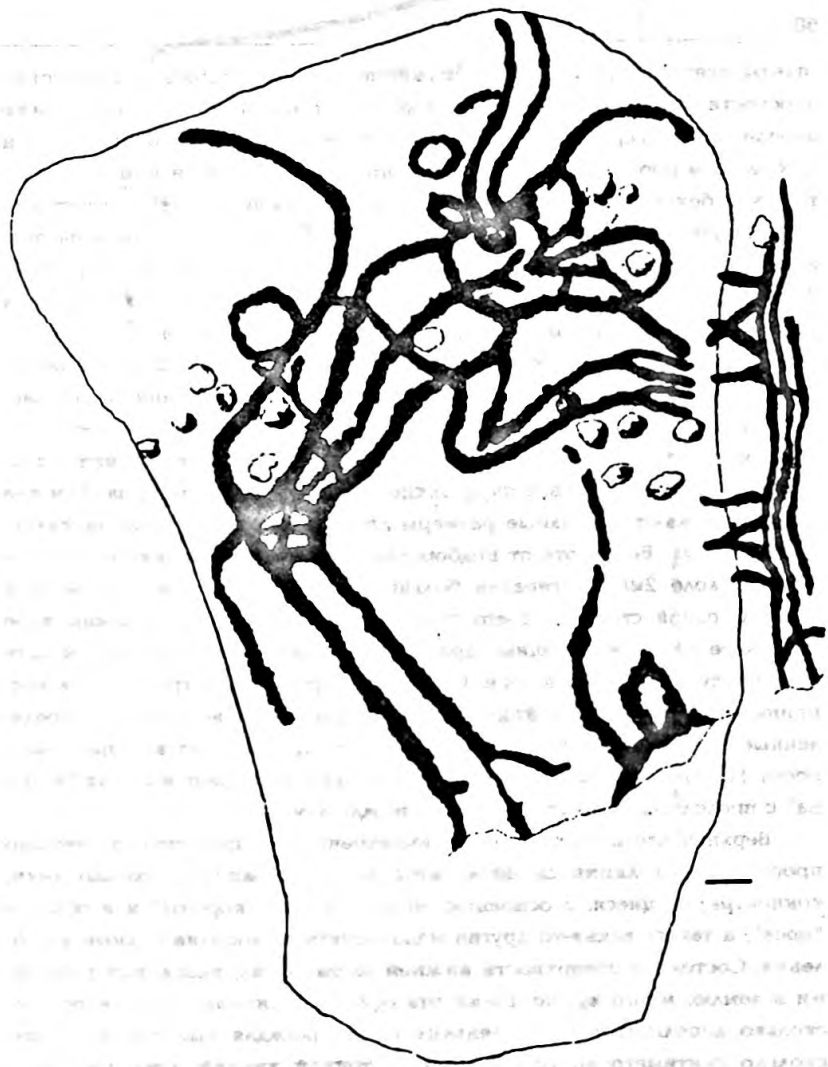

Рис. 1. Изображение фантастического хищника на плите из кургана 2 Есино IX.

плиты всего около 12см); изображение "заворачивалось" на широкие плоскости. Сохранился, к сожалению, лишь его фрагмент: немного ниже передних лап зверя видна часть контура личины с листовидным ухом и S-образным рогом. На "оборотной" широкой плоскости и в нижней части узкой боковой грани поверхностный слой камня утрачен полностью.

Есинский фантастический зверь имеет близкие аналогии и на окуневских плитах, и в наскальных рисунках Среднего Енисея (Шер, 1980; Леонтьев, 1978). Что касается общей композиции на плите, то это вторая (после Черновой VIII - Вадецкая, 1965) находка такого рода.

Плита 2 (Рис. II) много больше первой: ее высота - 2,5м, ширина - 1,2м. Изображение на ней соответствует группе простых личин, по классификации Э.Б.Вадецкой (Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980), но отличается от них некоторыми особенностями. Есинская личина - как, впрочем, практически все окуневские - вполне индивидуальна. Прежде всего, поражают громадные размеры личины, самой крупной, пожалуй, из известных. Ее высота от подбородка до лба - 1,5м, а вместе с "коронной" - около 2м! Оригинал - большой треугольник между глазами и ртом. С одной стороны, с его помощью осуществляется традиционное зональное членение личины, при котором каждый из органов чувств оказывается в отдельной зоне. С другой стороны, этот треугольник воспринимается и образно. Это, конечно, не изображение носа, но определенные ассоциации возникают, что придает личине особую выразительность. Наконец, в общем ее облике важную роль играет пышная "корона" с продолговатыми углублениями между лучей.

Верхняя часть плиты сильно выветрена. Помимо очень тщательно проработанных линий самой личины, здесь сохранились только ямки, концентрирующиеся, в основном, между лучами "короны" и в области "носа", а также какие-то другие мало понятные дополнительные углубления. Состояние поверхности нижней части камня, якопанной тагарцами в землю, много лучше. Ниже рта основной личины сохранилось несколько дополнительных маленьких личин (каждая высотой всего несколько сантиметров), гравированных тонкой линией. Они настолько несоизмеримы с основным изображением и по общему масштабу, и по тонкости рисунка, что на публикуемой прорисовке не могли быть показаны.

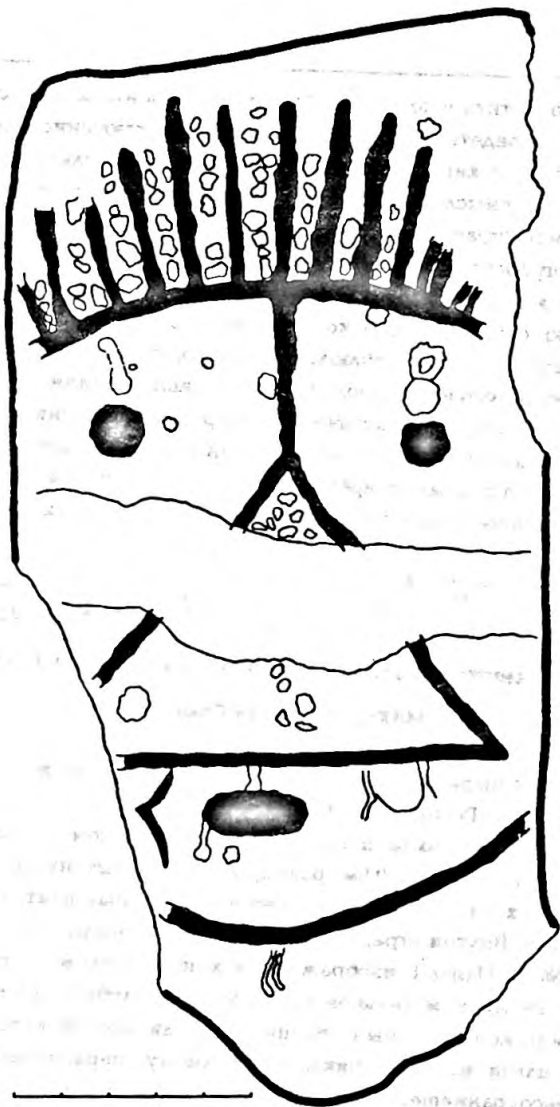

Рис. II. Антропоморфное изображение на плите из кургана 2 Есино IX.

Следует отметить еще одно наблюдение. Строителя тагарской ограды не могли не видеть этих изображений (за исключением, возможно, личины на плите с хищником) и, судя по всему, использовали окуневские плиты "со смыслом". Камень с антропоморфным изображением был установлен "правильно". Рот личины располагался чуть выше поверхности погребенной почвы, а верхняя ее часть - глаза и "корона" - возвышалась и над насыпью кургана (к моменту начала раскопок над поверхностью оставалась только "корона"). Хищник же был вкопан "зверх ногами". Здесь мы наблюдаем, видимо, переосмысление в тагарское время мифологических сюжетов, восходящих к ранней традиции. В исходном исполнении фантастический зверь по отношению к антропоморфной личине композиционно не был антиподом. А вот художественная экспозиция в рамках тагарского кургана основана именно на противопоставлении пространственной ориентировки этих двух образов.

Г. Н. Курочкин

Изображение фантастического хищника из Бурканова (по материалам раскопок 1989).

Могильник Бурканов расположен в 3 км к ВСВ от ж.д. ст. Усть-Есь (Аскизский район Республики Хакасия) и состоит из 12 курганов. Плита с изображением хищника найдена в самом крупном из них (кург. 3). Высота насыпи кургана - 0,8 м; размеры ограды, вытянутой в направлении С-Ю, 12,5 x 9 м. Ограда состоит из вертикальных плит, укрепленных контрфорсами. Внутри ограды помещались две могилы - северная (№ 1) и южная (№ 2). Плита с изображением хищника служила перекрытием в могиле 1. Размеры могильной ямы 2,5 x 2 м; глубина 0,5 м. Над могилой был сооружен каменный "панцирь", среди камней которого лежала массивная плита из известняка, по-видимому, первоначально опиравшаяся на несохранившееся деревянное покрытие могильной ямы и слегка "просевшая" в заполнение ямы. Размеры плиты - 2,7 x 2,8 м; толщина около 30 см. На лицевой стороне плиты выбиты изображения, относящиеся к окуневской культуре эпохи ранней бронзы. Основную площадь занимает изображение фантастического персонажа, стоящего на задних

Рис. 1. Изображение фантастического хищника из Бырканова.

лапах с задраннным вверх хвостом. На голове показаны рога (?) со свисающими колокольчиками или цветами; пасть открыта; из нее высовывается язык, имеющий форму дерева с ветвями. За побеги дерева фантастический зверь держится передними лапами или руками. Сзади у ног фантастического существа расположена круглая окуневская личина с извивающимися "протуберанцами", тянущимися вверх. С одной стороны плита повреждена грабителями, которые проникли в могилу через узкий лаз с западного края погребения (Рис. 1). Исходя из конструктивных особенностей сооружений и найденных предметов сопроводительного инвентаря, могильник Быркянов (и, соответственно, кург. 3) может быть отнесен к самому началу сложения тагарской культуры (по Г.Н.Курочкину, УШ - УП вв. до н.э.).

* * *

Приведенные данные извлечены из полевого отчета Г.Н.Курочкина за 1989 год (Архив ИИМК РАН, дело № 4385). Плита с изображением хищника из Быркянова является третьей по счету находкой подобного рода: первая, которой посвящена специальная статья Э.Б.Вадецкой (Вадецкая, 1965), происходит из могильника Черновая УШ; вторая — из могильника Есино IX — публикуется в настоящем Сборнике. Кроме того, аналогии этому мифическому персонажу имеются в наскальных изображениях (Леонтьев, 1978; Шер, 1980). Такая повторяемость сюжета свидетельствует о его популярности в идеологии населения окуневской культуры. Из трех изображений на плитах быркяновское, пожалуй, по насыщенности деталями и стилю исполнения, наиболее архаичное. Не повторяя его описания, отметим только новые, по сравнению с предыдущими, нюансы: разветвленная фигура с многочисленными отростками, исходящая из пасти и, скорее всего, символизирующая огонь; своеобразные подвески на рогах; раздвоенный хвост, что подтверждает наличие "двойного" хвоста в изображении хищника на плите из Есино I X; саллярный знак, наиболее характерный для окуневских изваяний, на расположенной слева личине. Изображение фантастического хищника на плите из Быркянова — одно из последних полевых открытий Г.Н.Курочкина, значительно обогащающее наши представления об искусстве окуневской культуры — несомненно, должно быть известно широкому кругу специалистов.

Н. Ю. Кузьмин

О вторичном использовании окуневских изваяний.

Впечатляющая высота, необычная пластичность каменных изваяний с рельефными и выбитыми изображениями трехглазых личин, устрашающих хищников, солярных знаков несомненно привлекали внимание потомков окуневцев в Минусинской котловине.

В андроновской культуре подобные изваяния использовались при сооружении погребальных памятников. Так, например, в могильнике Сухое озеро могила 7 кургана 430 была перекрыта окуневской стелой, положенной изображением вниз (Максименков, 1978). Обломок стелы с изображениями личин, быка и солярного знака перекрывал каменный ящик (мог. 29) в могильнике Соленоозерная I; в другом случае изваяние с двумя личинами лежало между андроновскими могилами (Вадецкая, 1980).

Небольшое число подобных находок не дает возможности достоверно установить, применялись эти камни просто как строительный материал, либо их использование имело некий сакральный характер.

В карасукской культуре камни с окуневскими личинами также применялись для покрытия каменных ящиков, например, в с. Знаменка, Есинской МТС (Вадецкая 1980). Однако, на поселении Торгажак зафиксирована ситуация, когда каменный блок с изображением окуневской личины стоял рядом со входом в жилище, что позволило предположить возможность "дальнейшего сохранения окуневской изобразительной традиции" (Савинов, 1991).

Среди 153 окуневских изваяний, учтенных Э.Б.Вадецкой, около трети находилось в основании тагарских курганов, причем одни из них были установлены с правильным положением личин, другие вкопаны в перевернутом виде.

Раскопки тагарских курганов с окуневскими изваяниями позволяют предложить одно из возможных объяснений этому явлению.

В ранне-тагарском кургане (7 в. до н.э.), исследованном у г.Багульной в Хакасии, по углам и серединам сторон возвышались столбообраз-

ные камни высотой до 2,8 м. Судя по характерным плавным изгибам камней, они были обработаны в окуневское время. На широкой грани одного из угловых камней в верхней части сохранились изображения окуневского быка и курильницы. Еще не менее, чем на 3-х камнях зафиксированы отдельные элементы выветрившихся личин (углубления глаз, поперечные полосы) и следы охры. Плоскости с изображениями личин были обращены на ВСВ и эффектно освещались при восходе солнца (Кузьмин, 1994). В данном случае окуневские изваяния использовались не только как строительный материал, особое значение придавалось выбитым на них изображениям личин. Более того, при таком интенсивном выветривании камней вряд ли могла сохраниться охра, нанесенная в окуневское время. Не исключено, что тагарцы "подновляли" краской древние изображения. Подобное отношение к окуневским изваяниям с личинами в ранне-тагарское время вполне объяснимо.

Во-первых, все более очевидным становится, что в сложении тагарской культуры принимали участие племена, пришедшие из глубин Центральной Азии, где, вероятно, окуневские традиции сохранялись достаточно долго, судя по раскопкам окуневских могил в Туве.

Отсутствие в Минусинской котловине местной традиции изготовления оленных камней, являющихся в Центральной Азии переходным звеном между окуневским и скифским изобразительным творчеством, стимулировало возвращение к древним исходным формам сакрального искусства, тем более, что в данном регионе уже было сконцентрировано большое количество готовых изваяний.

Во-вторых, 3-членная модель мира, передаваемая окуневцами антропоморфным кодом (Подольский М., 1987), была близка тагарской мифологической модели мира, также имевшей тернарную структуру, судя по ее воплощению в социальном устройстве и погребальном обряде (Кузьмин, 1994).

Видимо, "родственное" отношение к окуневским изваяниям существовало у тагарцев только на самом раннем этапе сложения культуры. После того, как были выработаны собственные художественные каноны, необходимость в окуневских изваяниях отпадает. Окуневские изваяния используются как угловые и промежуточные камни тагарских оград, зачастую они случайно (или намеренно?) вкапываются в перевернутом положении (Тогр Таг, к. 1; Кузьмин, 1994).

Позднее окуневские изваяния ставились в таштыкских поминальницах, на чаа-тасах, но эти случаи вряд ли можно трактовать как возврат к уже давно забытой традиции.

Д. А. Мачинский

Минусинские "трехглазые" изображения и их место в эзотерической традиции.

Устойчивый признак рассматриваемых изображений - "третий глаз", т.е. чакра аджна индо-тибетской эзотерической традиции, связанный с шишковидной железой "орган" многослойного "энергетического поля" человека, орган ясновидения и место концентрации просветленного сознания перед выходом в "иные миры" в состоянии экстаза или в момент смерти (Мачинский, 1989).

Наиболее информативно и образно насыщенный тип изображений (видимо, один из древнейших) имеет следующие черты:

а) в центральной трети высокого каменного столба размещены рельефные лики в виде удлиненного яйца, разделенные горизонтальными полосами на три части - в верхней глаза и аджна, в средней - изображение раздвинутых ноздрей, в нижней - рот, изогнутый углами вверх, позднее окаймляемый "уголками", передающими мимику улыбки. Итак, внутри формы "мирового яйца" (устойчивого образа зародыша Вселенной, творимой Абсолютом в ведической и других традициях) выявлены области абсолютного сознания (ясновидения), абсолютного бытия (вдыхания через нос браны и прохождение через ноздри "лунного" и "солнечного" потоков энергии Кундалини на пути к аджне в индо-тибетской традиции) и абсолютного блаженства (обязательная улыбка, родственная улыбке на ликах Будды и "архаической улыбке" статуй Эллады), то есть сат - чит - ананда (абсолютные бытие - сознание - блаженство в индуистской традиции). Возможна и аналогия с разделением первояйца на небо, землю и воздух между ними. Абрис ляков и их "рогатость" склоняют к тому, что изображения возникли в среде европеоидного скотоводческого населения.

б) Прямо вверх от аджны или от середины головы над ней восходит система разнообразных изображений; ниже ляков нередко изображена

грудь, а по центральной оси "тела" - концентрические круги, иногда с четырьмя "уголками"; такие же знаки встречаются на разной высоте на обратной и боковых сторонах стел. Несомненно знаки по центральной оси тела изображают чакры, экстросенсорно воспринимаемые как вращающиеся конусообразные вихри, вершины коих расположены в спинномозговом канале, а крутовые основания направлены вперед и назад. Чакра ("круг" на санскрите) традиционно изображается как круг с четырьмя и более лепестками. Знаки на обратной и боковых сторонах стел также в ряде случаев соответствуют задним и боковым "проекциям" чакр. Одновременно эти знаки могут рассматриваться как солярные и лунарные, простейшая форма мандалы и т. д.

Изображения выше ликов передают состояние сознания после выхода за пределы физического тела. Место выхода (чакра сахасрара или брахма-рандхра) отмечается началом верхних изображений, иногда - древоподобным (?) изображением и знаком чакры сзади или сбоку стелы.

Рассматриваемый тип стел имеет две разновидности, различаемые по способу трактовки "выхода за пределы". Первая - это 1-3 волнообразно изгибающиеся линии, не завершаемые наверху каким-либо изображением. На этих стелах часто изображены маленькие девичьи груди, а из чакр - только верхние, начиная от аджны (уровень сердца) и лишь однажды - манипура (солнечное сплетение). Отсутствие нижних чакр, связанных с энергией зротики и деторождения, отсутствие изображений половых органов, низа живота и бедер заставляет видеть в этих стелах именно дев, сакрализованных дев-телок, рогатых и безволосых (брытоголовых?).

Вторая разновидность - это трактовка "выхода" в виде прямого и узкого "коридора", ограниченного вертикальными линиями (внизу параллельными, наверху сходящимися), по которому "восходят" постепенно упрощающиеся малые лики (числом 1-4). Этот коридор завершается либо максимально упрощенным ликом, либо над ним изображается голова барана, знак чакры, знак полумесяца. Два из этих изображений имеют "мужские признаки" (мужская грудь, морщины и складки на лбу, рельефность лица). И именно у этих двух изображений имеет место трактовка груди и верха живота в виде оскаленной морды хищника, заглатывающего некий солнцеподобный предмет, а у одного из них ниже

морды помещены "знаки чакры", соответствующие манипуре или свадхистхане. Головы хищника встречены еще дважды на изображениях этого вида.

Трактовка "выхода" наиболее соответствует отмечаемому эзотерическими традициями и при клинической смерти образу "выхода через голову", ощущению прохождения через длинный и узкий тоннель, завершающемуся перестройкой и очищением сознания и встречей с сущностями "иных миров".

Трактовка живота как оскаленной пасти в сочетании с напряженным лицом и нижними чакрами, связанными с энергией гнева и вождения, говорит о борьбе с силами темных и агрессивных глубин человека и мирового сознания, которая ведет к обретению "солнца во тьме" и достижению новой гармонии сил света и тьмы (что весьма напоминает одну из основных мифологем ведической традиции). Все "трехглазые" изображения принято называть "окуневскими". Наблюдения над стратегией самих изображений и могильников Минусинской котловины, а также совпадения в образном строе приводят к следующим выводам:

1. Яйцевидные лики, крути чакр, рога и высокая сакрализованность рассмотренных изображений находят соответствие в подчеркнутой и превосходящей утилитарную необходимость яйцевидности сосудов афанасьевской культуры, в правильных кругах ее погребальных оград, в скотоводческом характере культуры, в ее высокой сакрализованности, в частности, выразившейся в помещении в могилу культовых курительниц и каменных пестов - вероятно, для выжимания сока для напитка типа сомы-хаомы (ступки и песты в индуистском погребальном обряде).

2. Большинство изображений рассмотренного типа (все изображения разновидности 1 и часть разновидности 2) созданы, вероятно, "афанасьевцами". К окуневской культуре, возможно, относится часть рассмотренных, а также большинство поздних (среди них - "девичьи"), где лики утрачивают утрированную яйцевидность, затем становятся подпрямоугольными, трапециевидными, круглыми, имеют на голове "корону" вместо нити или коридора восхождения, постепенно утрачивают объемность, а некоторые - абрис лика и тело, превращаясь в плоские "трехглазые" стелы; однако, с "обаятельным" изображением вождя и рта со схемой улыбки.

3. Как уже мной отмечалось неоднократно, сакральная традиция, выраженная в афанасьевско-окуневских стелах, сохраняемая и более поздним населением, находит отражение в древнейшей традиции античных сведений о Скифии ("одноглазые" аримаспы и их борьба у Рипеев-Алтая с грифами за огненно-световое золото; священные гипербореи, скотоводы и земледельцы, живущие выше Рипеев "в местности, защищенной от вредных ветров"; ежегодные посольства гиперборейских дев с "начатками плодов" на Делос, обрезание волос на могилах гипербореев на Делосе и безволосые священные аргиппеи; приход ясновидца гиперборейя Абариса в Элладу, бег рогатой девы Ио от Боспора к Рипеям; путешествие туда же Аристея и полеты Аполлона к гиперборейям).

4. Перспективно соотнесение сакрального статуса Минусинской котловины с ведической традицией представлений о "стране блаженных" к северу от мировой горы Меру. Если предполагать наличие некоей реальности за мистической страной Шамбхала (тибетская буддийская мифология ваджраяны), расположенной севернее реки Сита в окружении снежных гор, то нельзя исключать соотнесенности истоков этого мифа с уникальным сакральным центром в Минусинской котловине в пределах III - начала I тыс. до Р.Х. Выявление системы 4-5 верхних главных чакр на минусинских изображениях находит аналогию в системе 4 чакр именно тибетской традиции (в отличие от 7 и 9 главных чакр других традиций).

Древний сакральный центр в Минусинской котловине занимает выдающееся место в системе религиозных традиций Евразии, а его связи с восточным Средиземноморьем, Индией, Тибетом, его наследие в религии и мифологии Скифии после VIII в. до Р.Х. требует подробного и тщательного изучения.

М.Е.Килуповская

Культурные предпосылки сложения скифского изобразительного канона в Туве.

На ранних этапах существования искусства эпохи ранних кочевников в Туве прослеживаются две изобразительные традиции - реалистическая и "стилизованная". Все изображения, выполненные в первой

традиции, строятся на реалистической основе, с помощью S-видных линий и отличаются большой четкостью и лаконичностью. Копытные изображаются "на цыпочках" или с подогнутыми под брюхо ногами с высоко поднятой головой и вытянутой шеей. Петроглифы часто выполняются сначала по контуру, а затем внутреннее пространство заполняется неглубокой точечной выбивкой или разделяется линиями и орнаментальными элементами. Другая изобразительная традиция - "стилизованная" - легла в основу рисунков на оленных камнях монголо-забайкальского типа, фигур оленей с клювовидной мордой на скалах, свернувшихся в кольцо хищников и др. Затем эти два стилистических канона сливаются и образуют яркое и своеобразное искусство алды-бельской культуры.

На основании некоторых изобразительных форм мы можем искать истоки сложения обеих изобразительных традиций в эпоху бронзы, которая представлена в Туве и на сопредельных территориях окуневской, карасукской и андроновской культурами. В Туве с окуневской культурой сопоставляются наскальные изображения - личины-маски, сцены охоты, в которых участвуют люди с "грибовидными" головами, олени и быки. Бык - это один из самых важных образов. В святилище Ямалык (Эрзинский район) крашенные рисунки быков, которые выполнены в характерной для эпохи бронзы манере, перекрыты фигурами оленей, нарисованными охрой другого оттенка. Изображения оленей соответствуют скифскому стилю, но в то же время в них еще прослеживаются более ранние черты - массивное туловище, короткая морда и др. (Килуновская, 1990). Интересны фигуры кабанов на скалах Бижиктиг-Хая (Улут-Хемский район), которые сочетают в себе черты изображений быков эпохи бронзы и кабанов в скифской традиции. Подобная фигурка кабана есть на скалах Мугур-Саргола.

С ранними "скифскими" контурными изображениями на оленных камнях и скалах сопоставимы изображения оленей эпохи бронзы на камне со стоянки Азас и лошади на каменной чаше из окуневского погребения на могильнике Аймырлыг (Дэвлет, 1980). Они выполнены контурно, стоящими на вытянутых ногах с расчленением тела косыми линиями для выделения лопатки и бедра. Такое разделение внутреннего пространства тела, только изогнутыми линиями, характерно для ранних скифских изображений. Близкий по очертанию описанным выше, рисунок, например, представлен на оленном камне, найденном у горы Чарга.

Этот камень был найден в поминальном комплексе и имеет ряд особенностей, присущих оленним камням в целом (расчленение на три зоны, три косые линии и т.д.). В верхней части Чаргинского камня выполнена антропоморфная личина, которая близка окуневским личинам на скалах Мутур-Саргола (двойные глаза, рот, нос). В целом, выбитые на Чаргинском камне изображения животных и личина могут быть отнесены к раннему этапу сложения скифо-сибирского искусства. Изображения лиц на окуневских стелах и предметах мелкой пластики сопоставимы с некоторыми изображениями на оленних камнях (Савинов, 1993). Но эти памятники, стелы и камни существуют на разных территориях и в разное время, и о прямой изобразительной преемственности говорить пока нет оснований, скорее можно указывать на схожесть идей (ось мира, трехчленность космоса и т.д. - Подольский М., 1987).

Другая линия, по которой можно проследить истоки возникновения некоторых элементов скифского звериного стиля Тувы - это карасукское искусство. В Туве памятников карасукской культуры практически не известно. В это время здесь распространяются памятники второго этапа окуневской культуры, некоторые черты которой прослеживаются и в раннескифское время (каменные ящики, скорченные погребения и т.д.). Однако, в Туве найдены в случайных находках карасукские бронзы, есть некоторые орнаменты карасукского обряда на керамике и предметах из окуневских и скифских погребений. Традиционно с карасукским искусством связывают изображения колесниц, широко представленные на скалах Тувы, иногда вместе с "клювовидными" оленями. Очень интересна найденная нами в 1993 г. у подножия горы Догээ в 7 км от Кызыла каменная глыба. На одной из ее граней выбиты две колесницы, а на другой - сцена охоты. В сцене охоты две центральные большие фигуры - это олени с клювовидными мордами, летящие вверх. За ними следуют небольшие фигуры охотников - пешех и конных с луками. Охотники, особенно на конях, изображены в манере, характерной для скифского искусства. В нижней части камня выбит ряд чашеобразных углублений и фигуры козлов и оленя в примитивной манере, характерной для эпохи бронзы - прямоугольное туловище, прямые ноги, ветвистые рога и т.д. Таким образом, на одном памятнике в одной композиции представлены рисунки разных стилей, что позволяет нам говорить о

сложении некоторых элементов и образов скифского звериного стиля на основе искусства эпохи бронзы.

Существование двух источников формирования искусства скифского времени в Туве объясняет наличие двух изобразительных традиций на самой ранней стадии развития звериного стиля.

О.П.Ченченкова
(Петропавловск)

Некоторые особенности семантики орнаментированных костей эпохи энеолита из Северного Казахстана.

Среди археологического материала, полученного за последнее время на энеолитических памятниках Северного Казахстана (раскопки В.Ф.Зайберта, Н.С.Татаринцевой), выделяется серия (68 экз.) орнаментированных фаланг лошади (реже - парнокопытных). Число аналогов, судя по литературе, очень невелико, и нигде такие предметы не встречаются сериями; поэтому североказахстанский материал (Зайберт, 1984, 1993; Даниленко, 1984) дает, по-видимому, уникальную возможность исследовать предметы такого рода. Самое поверхностное ознакомление с этими изделиями не оставляет сомнений в том, что изображения на них подчинены неким закономерностям. Их выявление - наша задача.

Перед нанесением орнамента фаланга шлифовалась, при этом ее лицевая, спинковая и боковые поверхности уплощались, а ребра между ними заострялись. На плоские поверхности наносился орнамент, а на ребрах располагались ряды коротких горизонтальных насечек. Большая часть костей обладает и насечками, и орнаментом одновременно. Однако существуют экземпляры либо без орнамента, либо без насечек, то есть эти два изобразительных элемента обладают относительной самостоятельностью. Рассмотрим вначале способы их размещения на кости, а затем качественные особенности.

Место расположения насечек может быть различным. Они наносятся на вертикальные ребра лицевой и спинковой части кости, иногда оконтуривают нижнюю и верхнюю поверхности, а в нескольких случаях встречаются на естественном Л-образном выступе лицевой поверхности фаланги (Рис. 1, 1). Наличие насечек на боковых ребрах лицевой поверх-

ности является обязательным, на других участках они могут отсутствовать.

Аналогичные закономерности наблюдаются и в расположении орнамента. Он размещается на лицевой, спинковой и боковых поверхностях, реже - на верхнем торце кости. При этом лишь орнаментация лицевой поверхности является необходимой и достаточной.

Орнаментальные композиции, встречающиеся на фалангах, четко разделяются на несколько типов: 1. ромбическая сетка (Рис. I, 2); 2. вертикальная ось в виде симметричной полосы орнамента (Рис. I, 3); 3. вертикальная ось в виде зигзага (Рис. I, 4); 4. композиция с трехчастным горизонтальным делением (Рис. I, 5). На лицевой поверхности кости может располагаться любая из перечисленных композиций. На спинковой - только ромбическая сетка, либо два ромба. На боковых сторонах с одинаковой частотой встречаются либо ромбическая сетка, либо вертикальный зигзаг. Таким образом, вновь выявляется, во-первых, особое значение лицевой стороны фаланги; во-вторых, наличие устойчивой связи между видом орнамента и местом его расположения. Это свидетельствует о том, что орнамент явно обладал определенной информативностью.

Расшифровка смысла данных изображений могла бы пролить свет и на вопрос о назначении самих орнаментированных фаланг. Однако сейчас мы можем констатировать лишь некоторые общие принципы их семастики.

1. Абсолютное большинство композиций вертикально симметричны (или - как ромбические сетки - вертикально ориентированы). При этом они либо представляют собой выраженную вертикальную ось, либо имеют трехчастное горизонтальное деление. Эти особенности хорошо укладываются в концепцию так называемого "мирового древа", что позволяет судить об общем уровне мировоззрения у неолитического населения Северного Казахстана.

2. Общее количество костей с насечками на одну треть преобладает над орнаментированными. Кости без насечек (только с орнаментом) почти не встречаются. Вероятно, это свидетельствует о более важном (первичном?) значении насечек по сравнению с орнаментом.

3. Вопреки высказанной в литературе точке зрения, насечки, очевидно, не имеют отношения к числам или счету. Их число часто не под-

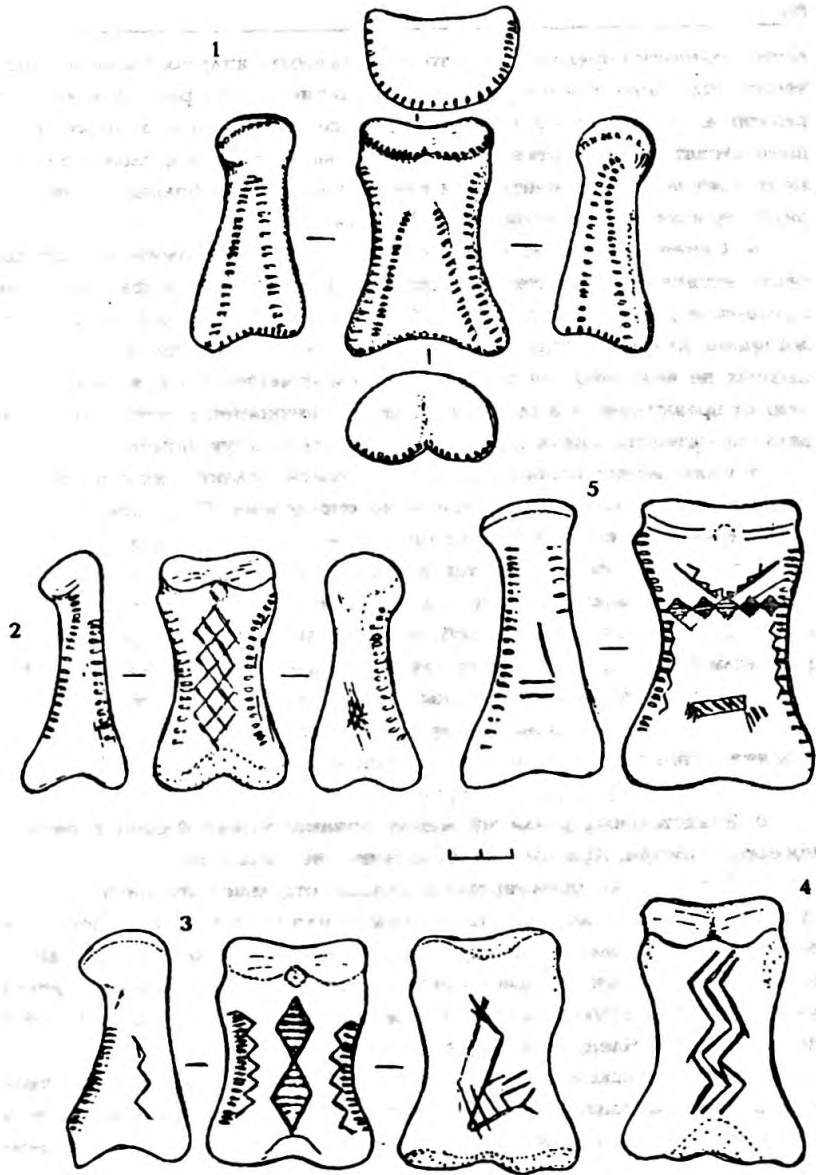

Рис. 1. Рисунки на костях из поселений Северного Казахстана.

дается точному определению, - то есть, важным, видимо, было не количество отдельных элементов, а лишь наличие целого ряда. Кроме того, размер, а, следовательно, и количество насечек в столбце, зависят от общего характера обработки кости: чем тоньше планфровка, сложнее орнамент и мельче его элементы, тем изящнее насечки, и больше их число в ряду, ограниченном длиной ребра фаланги.

4. Семантика фаланг отчасти соотносится с остеологическими характеристиками: обработка подвергалась именно первые фаланги, а не какие-либо другие кости, причем фаланги чаще всего лошадиные. В то же время, никакой разницы в орнаментации фаланг лошади и парнокопытных не выявлено. Не обнаружено закономерностей и в отборе фаланг от правых-левых и передних-задних конечностей (благодарю кандидата биологических наук П.А.Косинцева за оказанную помощь).

5. Связь между изобразительной системой фаланг и их отношением к жилищному комплексу до конца не определена. С равной частотой они встречаются как в жилищах (по 1-3 экз.), так и вне них. Существуют жилища как с фалангами, так и без них. Специфических различий в орнаментации фаланг из одного жилища не обнаружено. Можно было бы утверждать, что фаланги вообще не связаны с планиграфией поселений, если бы не существование двух жилищ - одного на поселении Ботай, другого на поселении Красный Яр, - где количество этих изделий особенно велико: 8 и 13 экземпляров соответственно. Кроме того, на поселении Ботай рядом с одним из жилищ найдены 3 фаланги с одинаковыми следами искусственной порчи.

6. Значительных различий между орнаментацией фаланг с разных поселений (Ботай, Красный Яр, Боландино) не выявлено.

7. Свообразие орнаментации каждой отдельной фаланги, при отсутствии их связи с конкретным жилищем или поселением, делает более вероятным предположение об их соотнесенности с отдельным индивидуумом. В связи с этим интересно, что в литературе аналогичные изделия часто интерпретируют как антропоморфные фигурки (Грязнов, 1962; Черников, 1960; Членова, 1976; Деревяко, 1975).

8. В историческом развитии орнамента как вида искусства наблюдается перенос акцента со знаковой функции на эстетическую. С этой точки зрения, неолитические материалы (в частности, окуневско-са-

мусьские и ботайские), отражая раннюю стадию этого процесса, представляют прекрасную возможность для его изучения.

С. В. Хаврин

Окуневские бронзы.

Химический состав окуневских бронз остается вне пристального внимания исследователей, несмотря на значительное расширение круга исследованных в последние годы памятников.

Первые данные количественного спектрального анализа окуневских бронз были получены И. В. Богдановой-Березовской в Лаборатории археологической технологии ЛОИА в начале 1960-х гг. Материалы анализов археологических бронз из Минусинской котловины, сделанных в ней, были опубликованы (Богданова-Березовская, 1963), когда в научный оборот только начал вводиться термин "окуневская культура" и, естественно, он еще не нашел применения в рассматриваемой статье, где окуневские памятники отнесены к афанасьевским. После выделения окуневской культуры можно было бы легко отделить результаты анализов окуневских бронз, если бы было четко указано, из какого комплекса происходит каждый анализируемый предмет, но, к сожалению, такие указания лишь изредка встречаются в тексте, а в сводной таблице не все предметы имеют даже инвентарный номер музея. Таким образом, из научного оборота оказались выведены некоторые результаты. Так, Б. Н. Пяткин пишет лишь о четырех анализах металла из могильника Тас-Хазаа, сделанных до него (Пяткин, 1977), в то время как на самом деле в работе И. В. Богдановой-Березовской приведено 8 анализов металла из Тас-Хазы и по одному из окуневских курганов в г. Абакане и пос. Бельгыры (Богданова-Березовская, 1963: табл. 4, №№ 5, 30, 31, 170, 357, 409, 411, 414-416). Я. И. Сунчугашев делает вывод о том, что металлургия меди возникает "на Среднем Енисее в конце афанасьевской эпохи ... в памятниках окуневского этапа...", "...андроновцы, возможно, первые освоили производство оловянистой бронзы" (Сунчугашев, 1975).

К имеющимся данным Б. Н. Пяткин добавил результаты анализов еще 24 предметов из окуневских погребений, но не опубликовал их, а лишь сообщил, что двенадцать из них сделаны из оловянистых бронз

(Пяткин, 1977), при этом не дал сведений, из каких памятников они происходят (можно только предположить, что эти предметы происходят из могильников, раскопанных в 1960-х - начале 70-х гг., главным образом, из Черновой VIII).

Несколько позднее большую работу по определению количественного состава древних бронз юга Восточной Сибири провела Н.Ф.Сергеева. Она исследовала более 300 предметов; из них 12 относятся к окуневскому времени (Сергеева, 1981). Интересно, что ею проанализированы материалы тех же могильников, а порой и те же предметы, которые были обработаны И.В. Богдановой-Березовской в начале 60-х гг. (девять образцов из Тас-Хазы и три из Бельтыр). Таким образом, появилась возможность сравнить результаты работы различных исследователей. По большинству примесей и микропримесей (Sb, As, Bi, Ni и т.д.) значительных расхождений не имеется, но по свинцу и цинку (Pb, Zn) различия весьма существенны. Так, по И.В.Богдановой-Березовской, в исследуемых образцах не содержится цинка (Богданова-Березовская, Наумов, 1963; Богданова-Березовская, 1963), в то время как по Н.Ф.Сергеевой этот элемент содержится в количествах от 0,021 до 0,26% (Сергеева, 1981). Еще существеннее расхождения по свинцу: нож, серьга и игольник из Тас-Хазы содержат, соответственно, 0,4, 1,5 и 3% свинца (Богданова-Березовская, 1963), а по Н.Ф.Сергеевой содержание свинца ни в одном проанализированном ею окуневском предмете не превышает 0,038% (Сергеева, 1981).

Именно высокое содержание свинца в тас-хазинском игольнике позволило связать его происхождение, а, следовательно, и подтвердить наличие определенных связей окуневской культуры с Забайкалем.

Поскольку в обоих случаях достаточно подробно описана методика исследований, то становятся ясными причины расхождений. Условия, при которых проводила работы И.В. Богданова-Березовская не могли привести к полному сгоранию образца (Богданова-Березовская, Наумов, 1963; Богданова-Березовская, 1963); успевали испариться, главным образом, легколетучие элементы, к которым принадлежат свинец и олово - их количество получалось сильно завышенным, - что, естественно, искажало общую картину. И значит, данные, полученные И.В. Богдановой-Березовской, можно воспринимать лишь как результат только качествен-

ного, а не количественного анализа, и говорить о наличии у окуневцев бронз с примесью свинца в составе - преждевременно.

Повышенное содержание мышьяка в составе окуневского металла (до 3%) обычно для минусинских бронз любой эпохи и обусловлено высоким содержанием его (до 30%) в местных рудах, для такого металла существует даже специальный термин - мышьяковистая медь (Пяткин, 1977; Сунчугашев, 1975; Черных, 1966).

В 1994 г. проведен количественный спектральный анализ¹ серии бронз из окуневского могильника Верхний Аскиз I. Исследовались три мелких кусочка медной руды (из десятка, найденных на уровне древней поверхности кургана 1 в северной его части), два ножа (кург. 1 и кург. 2) и височное кольцо (кург. 1). Результаты оказались весьма интересными - кусочки меди оказались медными самородками. Височное кольцо и ножи (при еще меньшем содержании микропримесей, чем в самородках) имели в своем составе значительное количество олова (от 0,6 до 2,6%). То есть, эти предметы отлиты из самородной меди с намеренной присадкой олова.

Кроме того, проведен качественный анализ двух ножей и кусочка руды из кург. 1 мог-ка Уйбат III и ножа из кург. 1 мог-ка Уйбат V (раскопки И.П.Лазаретова). В руде содержатся: медь (основа), свинец, цинк, серебро, сурьма и кобальт (никель, олово и мышьяк отсутствуют). Весьма близкий состав имеют и проанализированные ножи. Все они сделаны из меди, содержащей в качестве примеси сурьму и серебро (в одном случае содержится также в небольшом количестве мышьяк, в другом - мышьяк и никель).

Таким образом, обобщая результаты более 40 анализов спектрального состава окуневских бронз, можно сказать, что нам известно только два рецепта сплавов, используемых окуневцами: 1 - металлургически "чистая" медь, в которой иногда присутствуют другие химические элементы, попавшие в металл из руды (полиметаллические и блеклые руды); 2 - оловянная бронза, содержание олова в которой достигает до 12%.

Добыча меди производилась на местных рудных источниках, о чем свидетельствуют изделия из мышьяковистой меди и, главное, находки

¹ Выражаю глубокую благодарность М.Б.Днепровской, сделавшей спектральный анализ бронз из могильников Верхний Аскиз I, Уйбат III и V.

окуневской керамики на Узун-жульской медеплавильне в Центральной Хакасии (Сунчугашев, 1975). Источником поступления олова в окуневское время могли быть касситеритовые россыпи Кузнецкого Алатау или Калбинские оловянные рудники Алтая и, менее вероятно - Ононские (Забайкалье) и Балыктыгские (Тува) месторождения оловянного камня.

А. В. Громов

Антропологические особенности населения окуневской культуры.

Череп окуневцев были впервые описаны в качестве брахикраниального компонента в составе населения афанасьевской культуры. При их первой морфологической характеристике были указаны две особенности. Это большие широтные размеры мозговой коробки и лица и уплощенность лицевого скелета, интерпретируемые как свидетельство участия в формировании облика окуневцев представителей монголоидного расового ствола (Алексеев, 1961).

Если сперва окуневские погребения выделялись в афанасьевских погребальных комплексах на основе отличий в инвентаре (Иванова, 1966), то впоследствии был раскопан ряд собственно окуневских могильников, давших значительный краниологический материал. Самым крупным из них является Черновая VIII. Именно благодаря раскопкам этого могильника стало ясно, что существует особая культура, совершенно отличная от афанасьевской (Максименков, 1975). Серия черепов из Черновой VIII остается наиболее представительной из всех окуневских. Морфологическая характеристика населения, оставившего этот могильник, подтвердила представления о смешанном происхождении окуневцев (Дебед, 1980). То же самое показало изучение их зубной системы, причем по одонтологическим признакам население окуневской культуры обнаружило даже больший процент монголоидного элемента, чем по краниометрическим (Зубов, 1980).

Некоторые итоги антропологического изучения окуневцев были подведены в статье В.П.Алексеева, И.И.Гохмана и Д.Тумзи (1987). Этими авторами была отмечена еще одна морфологическая особенность окуневских черепов - своеобразная форма мозговой коробки. Эта

форма выражена в уплощенности свода черепа, центр которой приходится на обелюн или на область соединения теменных и затылочных костей и выступающем затылке. Повышение черепного указателя окуневцев в некоторой степени связано с уникальной формой свода черепа. Трудно представить себе, что такая специфическая особенность имеет естественную природу. Специальное изучение морфологии затылка окуневцев показало, что его форма выходит за рамки нормальной variability этой части черепа (Ю.Д. Беневоленская, устное сообщение). Характер уплощенности, а также частота сопровождающих эту черту патологических изменений в области сагиттального шва наводят на мысль об искусственном происхождении такой формы черепа. Но тогда встает вопрос о месте закрепления повязки - вторая точка приложения деформирующей силы должна была бы приходиться на подбородок, что представляется маловероятным.

В настоящее время, когда увеличилось число окуневских могильников, давших представительные краниологические серии, назрела необходимость рассмотреть, характеризуют ли указанные выше особенности население окуневской культуры в целом или являются особенностями отдельных территориальных групп. Автору был доступен материал из ряда крупных окуневских могильников (Черновая VIII, Верхний Аскиз I, Уйбат I, III, V, Тас-Хазаа), а также единичные черепа из других памятников. При типологическом анализе окуневских черепов бросается в глаза их морфологическая разнородность. Так, наряду с черепами, не обнаруживающими никаких следов монголоидной примеси, встречаются такие, у которых нет ни одного признака, который бы позволил как-то связать их с европеоидами. Особенно выделяются в этом смысле три женских черепа, характеризующиеся чертами, свойственными наиболее ярким представителям монголоидов. Они имеют сильно уплощенный лицевой скелет, высокое лицо и орбиты и слабовыступающий нос с полностью редуцированными носовыми костями. Все эти признаки встречаются и у других окуневских черепов, но не в таком полном комплексе. Двое из этих черепов происходят из группы могильников Уйбат. Именно в этих могильниках наиболее ярко проявляется морфологическая разнородность погребенных. При этом

часто европеоидные черепа, как правило, принадлежат мужчинам, а монголоидные - женщинам.

С целью проверки вышеизложенных наблюдений был проведен анализ главных компонент по 20 краниометрическим признакам: трем основным диаметрам мозговой коробки, длине основания лица, ушной высоте, ширине затылка, наименьшей и наибольшей ширине лба, лобной хорде, скуловой ширине, верхней высоте лица, ширине и высоте орбиты, ширине и высоте носа, симотическим ширине и высоте, назомаллярному и зигомаксиллярному углам, углу выступания носа. И у мужчин и у женщин удалось выделить по три главных компоненты с собственными числами, превышающими единицу. В обоих случаях первая компонента описывает фактор размера. У мужчин вторая компонента характеризует уплощенность переносья, а в третьей наибольшие нагрузки несут высотные размеры лицевого скелета и угол выступания носа. У женщин во второй компоненте максимальные нагрузки имеют зигомаксиллярный угол, ширина и высота орбиты, лобная хорда и высотный диаметр от базисона, а в третьей - симотические ширина и высота, назомаллярный угол и верхняя высота лица. Таким образом, значительная доля изменчивости внутри суммарной окуневской серии обусловлена различиями по признакам дифференцирующим монголоидов и европеоидов, причем имеется разница в характере изменчивости у мужчин и женщин. Все это говорит за то, что население окуневской культуры представляло из себя не единую популяцию, но механическую смесь групп индивидуумов разного происхождения. Каких-либо географических закономерностей или связи с различными типами памятников при этом не наблюдается.

Если вернуться теперь к такой важной характеристике населения окуневской культуры, как специфическая форма черепа, то и здесь не удается обнаружить какой-либо однородности. Так, в могильнике Тас-Хазаа и большинстве уйбатских курганов эта особенность не встречается (сюда можно добавить впоследствии утраченные черепа из окуневской могилы под тесинским склепом Есино IV, которые автору удалось посмотреть в поле, а также единичные черепа из впускных погребений в афанасьевских могильниках). В Черновой VIII и Верхнем Аскизе I уплощенность свода у разных черепов весьма различна, а у некоторых черепов вовсе отсутствует. При этом оказывается, что

наличие "окуневского затылка" коррелирует с типом погребальных сооружений: черепа с уплощенным сводом принадлежат погребенным в каменных ящиках, а "нормальные" - похороненным в больших грунтовых ямах. Конструкция первых и поза погребенных в них наводят на мысль о возможном происхождении такой формы черепа. Действительно, окуневские ящики характеризуются своей теснотой и только подогнутые ноги позволяют поместить в могиле погребенного. Кроме того, для погребенных в ящиках характерно наличие особых "подушечек", каменных (в Черновой VIII) или сделанных из органического материала (в Верхнем Аскизе I). Благодаря этому голова погребенного оказывается опущенной на грудь и упирается в "подушечку" или в стенку могилы как раз областью обелиона. Разумеется, такая деформация не может быть постмортальной, но это затруднение легко разрешается, если допустить, что могила представляет собой символическую колыбель и деформация является следствием содержания ребенка в колыбели, сходной по конструкции с окуневскими каменными ящиками. Разумеется, это всего лишь гипотеза, но только она дает нам объяснение второй точки приложения деформирующей силы. Такой точкой служит позвоночный столб с его упругостью на изгиб. В пользу этого предположения говорит также то, что особенно хорошо деформация выражена на детских черепах (хотя краниологический материал детского возраста хорошей сохранности невелик). Таким образом, для образования специфической окуневской формы черепа в результате особенностей содержания ребенка в колыбели необходимы следующие условия: во-первых, колыбель должна быть жесткой и короткой; во-вторых, ребенок должен находиться там достаточно долго и его подвижность должна быть ограничена.

Если попытаться отыскать этнографические параллели среди современных народов Сибири, то длительное содержание в колыбели, ее жесткая конструкция и фиксация ребенка при помощи ремешков были характерны для народов Южной Сибири, а также для якутов и бурят (Хомич, 1994). Наиболее интересны в этой связи сведения по этнографии детства у якутов. Так, если ребенок не помещался в колыбели, ее расширяли, а длину оставляли прежней; кроме того, младенец первые месяцы лежал в одном положении, в результате чего череп ребенка часто деформировался. В этом случае его исправляли,

придавая круглую форму. Существовали у якутов и специальные термины, описывающие варианты деформации (Дьяченко, 1988). Таким образом, этнографические данные не противоречат высказанной гипотезе, тем более, что согласно современным представлениям об автохтонном происхождении якутов (Алексеев, Гохман, 1984; И.И.Гохман - докл. на конф. "Горизонты антропологии", 1994), их предки могли быть непосредственными соседями окуневцев. Все вышесказанное позволяет считать вероятным, что своеобразная форма черепа, присущая погребенным в ряде окуневских могильников, не является особенностью антропологического типа окуневцев, а отражает особенности ухода за детьми населения, жившего на этой территории в эпоху ранней бронзы.

А.Г.Козинцев, А.В.Громов, В.Г.Моисеев

Американоиды на Енисее ?

(Антропологические параллели одной гипотезе).

А.Н.Липский, сопоставив археологические материалы с этнографическими, пришел к выводу о возможном родстве носителей окуневской культуры с предками американских индейцев. Как мы неожиданно выяснили, в пользу этой гипотезы можно привести и антропологические факты.

Нам бросилась в глаза необычайно низкая частота одного из самых важных краниоскопических признаков - подглазничного узора типа II - на окуневских черепах (27%). Такого нет ни у европеоидов, ни у монголоидов Сибири, зато у индейцев встречаемость этой особенности еще ниже (сейчас к опубликованным первым автором данным об индейцах и эскимосах прибавились материалы, собранные им в США и Канаде).

Мы сопоставили окуневцев с европеоидами современными (сборной серией из 30 групп) и древними (афанасьевцами, андроновцами и тагарцами), уралоязычными народами (суммированы данные по хантам, манси, селькупам и ненцам), эскимосам и чукчам (8 групп), прочими народами Сибири - континентальными монголоидами (12 групп), а также с неолитической серией из Прибайкалья и сборной,

в основном близкой к современности, группой американских индейцев по шести ключевым краниоскопическим признакам при помощи метода главных компонент и кластерного анализа. Окуневцы оказались в монголоидном кластере, ближе всего к индейцам, хотя и европеоиднее их. Исключение затылочного индекса (на который могла повлиять искусственная деформация головы) и разделение индейской группы на две - из Северной и Южной Америки - по существу ничего не меняет: окуневцы при этом объединяются с южноамериканской группой (Рис. I).

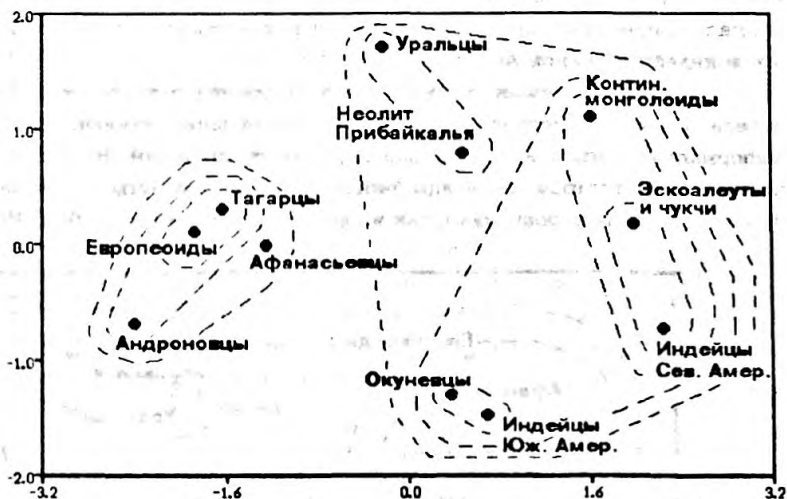

Рис. I. Взаимоположение групп по пяти краниоскопическим признакам.

Ось абсцисс - первая главная компонента, ось ординат - вторая. Здесь и на Рис. II пунктиром обведены группировки, выделенные посредством кластерного анализа.

Быть может, полученный результат надо приписать случайности? Чтобы проверить это, мы использовали опубликованные данные о 14 краниометрических признаках в мужских выборках, относящихся к тем же (в основном) группам, и обработали их методами канонического и

кластерного анализ. Краниометрия - система, независимая от краниоскопии и следовательно дающая самостоятельную информацию о родстве групп. Первый канонический вектор, как и первая главная компонента в предшествующем анализе, дифференцирует европеоидов и монголоидов (окуневцы - посередине). Второй вектор вскрывает диахронную тенденцию: древние серия отделяются от современных, причем окуневцы оказываются самой архаичной группой. Между тем, третий вектор возвращает нас к тому, что уже было отмечено по краниоскопическим признакам: окуневцы находятся на том же полюсе, что и индейцы Южной Америки.

Затем мы проделали тот же анализ, исключив размеры мозгового черепа (более подверженные влиянию эпохальной изменчивости и деформации). Смысл векторов, однако, остался прежним. В частности, по третьему вектору окуневцы, индейцы и эскоалеуты с чукчами противопоставляются как европеоидам, так и сибирским монголоидам (Рис. II).

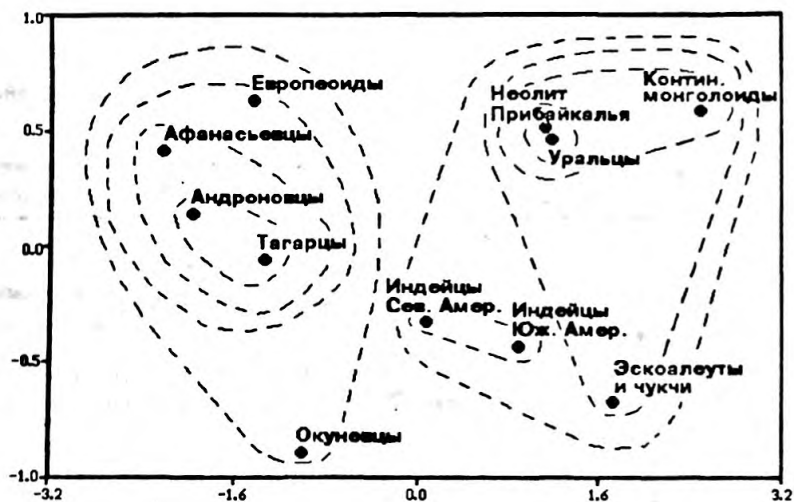

Рис. II. Взаимоположение групп по десяти размерам лицевого скелета.

Ось абсцисс - первый канонический вектор, ось ординат - третий.

В отличие от того, что наблюдалось по краниоскопическим особенностям, краниометрические признаки в целом сближают окуневцев в большей степени с европеоидами, чем с монголоидами. По всей видимости, такое противоречие отражает их метисный статус, уже не раз отмечавшийся антропологами. Но в свете новых данных смысл этой метисности оказывается совершенно иным, чем казалось прежде: сейчас появились основания видеть в окуневцах не европеоидов с монголоидной примесью, а европеизированных "американоидов", чьи предки заселяли Новый Свет. Иными словами, даже если принять самую позднюю из возможных дат освоения Америки (непосредственно перед образованием Берингова пролива 12 тыс. лет назад) и отнести окуневскую культуру не ко II, а к III тыс. до н.э., то все равно получается, что "американоидные" особенности сохранялись у некоторых популяций Сибири более 7 тыс. лет. В этом нет ничего невероятного, ибо использованные признаки отличаются высокой таксономической ценностью и соответственно стабильностью.

Что же касается неолитических обитателей Прибайкалья, издавна находящихся в фокусе внимания в связи с возможностью их родства с предками индейцев, то они не проявляют никакой "американоидности" ни по одной из двух систем.

Содержание

От редактора.	1
Савинов Д.Г. Окуневская проблема и некоторые подходы к ее решению.	2
Подольский М.Л. Становление скотоводства на Саяно-Алтае и окуневская проблема (феноменологическая модель). ..	7
Паульс Е.Д. Истоки культурного единства степей Евразии (прикосновение к проблеме).	10
Лазаретов И.П. К вопросу о ямно-катакомбных связях окуневской культуры.	14
Ковалев А.А., Резепкин А.Д. Курильница из дольмена в урочище Клады и проблема происхождения курильниц афанасьевской культуры.	16
Соколова Л.А. Проблема сложения окуневской культуры.	20
Семенов Вл.А. Несколько слов об окуневской и "чаахольской" культуре в Туве.	24
Леонтьев Н.В. Два окуневских кургана долины реки Уйбат.	26
Готлиб А.И. Сооружение-све эпохи ранней бронзы на горе Устанах (к вопросу о возникновении и интерпретации памятников-све в Хакасии).	29
Боковенко Н.А. Новые петроглифы личин окуневского типа в Центральной Азии.	32
Дэвлет М.А. Об изображениях окуневских антропоморфных личин.	37
Студзицкая С.В. Тема космической охоты и образ фантастического зверя в изобразительных памятниках окуневской культуры.	40
Семенов Вл.А., Монгуш В.Т. Новый памятник окуневского искусства из Тувы.	45
Савинов Д.Г., Подольский М.Л. Две окуневских плиты из ограды тагарского кургана (могильник Есино IX).	48

Куручкин Г.Н. Изображение фантастического хищника из Бырканова (по материалам раскопок 1989).	52
Кузьмин Н.Ю. О вторичном использовании окуневских изваяний.	55
Мачинский Д.А. Минусинские "трехглазые" изображения и их место в эзотерической традиции.	57
Килуновская М.Е. Культурные предпосылки сложения скифского изобразительного канона в Туве.	60
Ченченкова О.П. Некоторые особенности семантики орнаментированных костей эпохи знеолита из Северного Казахстана.	63
Хаврин С.В. Окуневские бронзы.	67
Громов А.В. Антропологические особенности населения окуневской культуры.	70
Козищев А.Г., Громов А.В., Моисеев В.Г. Американцы на Енисее ? (антропологические параллели одной гипотезе). .	74